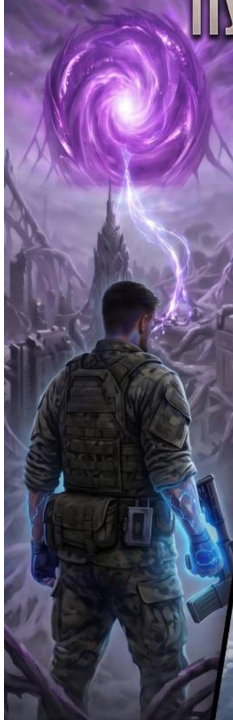


ТРИЛОГИЯ АДАПТАЦИЯ ПУТЬ ИЗ ТЕМНОТЫ



Книга первая:
Нулевой код



Книга вторая:
Дорога на юг



Книга третья:
Путь домой

АВТОР: ЕВГЕНИЙ КОРОЛЁВ

Евгений Королев

Адаптация. Трилогия.

Путь из темноты

<https://litres.ru/74659082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, каким мы его знали, умер в один миг. Чужеродная биоформа — перекроила Землю под себя, превратив разрушенные мегаполисы и заледеневшие пушистые равнины в смертельную био-матрицу.

На протяжении трех книг главный герой пройдет путь через весь ад нового мира: от руин проклятого Нью-Йорка и выжженных заснеженных дорог до ледяных глубин Ямантау. Это история о выживании, потерях и безумной человеческой воле, способной зажечь пламя даже в абсолютной темноте.

Сможет ли человек остаться человеком, когда сама планета адаптируется к кошмару?

Евгений Королев

Адаптация. Трилогия.

Путь из темноты

Акт 1

Начало девяностых в небольшом городке Нью-Джерси пахло скошенной травой, дешевым бензином с заправки Техасо и тем специфическим предчувствием перемен, которое бывает только в подростковом возрасте, когда кажется, что мир вот-вот взорвется чем-то грандиозным. Но наш дом на окраине всегда выбивался из этой сонной американской идиллии. Пока соседские отцы по выходным лениво жарили барбекю, потягивая «Будвайзер», и до хрипоты спорили о том, почему «Янкиз» опять слили игру, мой отец вел свою тихую, методичную войну с энтропией.

Я помню его как человека, который жил не в мире слов, а в мире вибраций. Он был похож на затаившегося хищника, но охотился он не на дичь, а на звуки. Он мог часами неподвижно сидеть на веранде, закрыв глаза и слегка наклонив голову, будто прислушиваясь к шепоту, который не был слышен больше никому в этом благополучном пригороде. Его внимание было приковано к монотонному гулу работающего кондиционера или мерному, натужному рокоту старого холодильника «General Electric», который, казалось, вот-вот

испустит дух.

— Пап, ну серьезно, почему ты так на него смотришь? — спросил я как-то раз, когда мне было двенадцать. Я как раз пытался выудить из недр этого железного монстра банку колы. — Он же просто шумит. Старый кусок хлама, ему место на свалке.

Отец не обернулся. Его взгляд оставался прикованным к вибрирующей стальной коробке, и в этом взгляде было столько концентрации, что мне стало не по себе. — Механизмы никогда не врут, Джонни, — ответил он своим тяжелым, низким акцентом, который за десятилетия жизни в Штатах так и не смягчился.

Он никогда не говорил, откуда именно он приехал. Когда я спрашивал об этом в школе, я просто врал, что он из Европы. Но внутри я привык считать, что его настоящая родина — это абсолютная тишина. — Если звук чистый, — продолжал он, и его голос вибрировал в унисон с холодильником, — значит, мир вокруг нас еще держится. В нем есть порядок, есть логика. Но если в этот ритм вплетается «зуд»... — он внезапно замолчал, и по моей спине пробежал липкий холодок. — Это значит, земля недовольна тем, что мы с ней делаем. Она начинает стонать, Джонни. Глубоко под нами что-то ворочается, а люди... люди слишком глухи и слишком заняты своим барбекю, чтобы это понять.

Я тогда рассмеялся. Громко, по-детски, пытаюсь отогнать странное чувство тревоги. — Земля стонет? Пап, ты пере-

смотрел комиксов про подземных монстров? Но отец не засмеялся в ответ. Его лицо в тот момент — напряженное, почти застывшее, словно он ждал удара прямо из-под земли, — врезалось мне в память навсегда. В ту секунду между нами пролегла тень чего-то огромного и древнего, чего не мог объяснить ни один учебник физики.

Отец работал обычным механиком в гараже на самой окраине города, в месте, где заканчивался асфальт и начинались пыльные пустыри. Но даже среди запаха старого масла и ржавчины он казался чужаком, существом, заброшенным в наш мир из какой-то другой, более суровой реальности. Его руки были инструментом, который пугал и завораживал меня одновременно.

Я помню, как однажды помогал ему перебирать двигатель старого «Форда». Гараж был залит предгрозовым светом, воздух был тяжелым и липким. Я подавал ему ключи, стараясь не мешать. Когда он вытирал руки ветошью, я заметил, что его ладони были странно гладкими. На них почти не было естественных морщин, а отпечатки пальцев казались стертыми, словно их методично полировали изнутри каким-то невидимым, мягким излучением.

— Пап, у тебя руки как у манекена, — пошутил я, надеясь вызвать у него улыбку. — Как ты вообще удерживаешь гайки? Он бросил на меня быстрый взгляд. В его глазах на мгновение вспыхнуло что-то, напоминающее грусть. — Трение — это тоже вибрация, сын. Нужно просто знать, когда

сжать сильнее. Когда он сильно уставал или когда на улице собиралась гроза, от его кожи начинало отчетливо пахнуть озоном. Это был тот самый резкий, металлический аромат, который повисает в воздухе за секунду до того, как небо расколется от удара молнии. Иногда, в густых сумерках гаража, мне чудилось, что его пальцы оставляют в воздухе едва заметный сизый след, похожий на остаточное свечение кинескопа. Я списывал это на усталость, на игру теней, на пары бензина — на что угодно, лишь бы не признавать, что мой отец — не совсем человек.

Он никогда не носил часов. Это было нашей семейной шуткой, над которой мы с мамой смеялись за ужином. Механические часы на его запястье вставляли через день, превращаясь в бесполезные браслеты, а электронные начинали неистово пищать, сбрасывать настройки или просто «сходить с ума», стоило ему прикоснуться к пластиковому корпусу. — Папа просто слишком энергичный, — говорила мама, но в её голосе я иногда слышал странную нотку, которую тогда не мог расшифровать. Это был скрытый, запрятанный глубоко внутри ужас.

В гараже у него был свой негласный закон: никто, даже хозяин заведения, не имел права подходить к его личному верстаку. Там, среди промасленных ветошей и гаечных ключей, он становился другим человеком. Его движения обретали пугающую, почти сверхъестественную точность. Его взгляд становился холодным и прозрачным, как хирургиче-

ская сталь.

Я часто наблюдал из тени штабеля покрышек, как он замирает над разобранным карбюратором. В эти моменты тишина в гараже становилась плотной, почти осязаемой, как желе. Он словно вел бесшумный диалог с металлом. Я готов был поклясться, что старая машина под его руками начинала мелко вибрировать в ответ, подчиняясь воле человека, который явно прибыл сюда с иного берега и привез в сонный Нью-Джерси секреты, способные взорвать этот мир изнутри.

Тот самый старый сейф стоял в самом дальнем углу нашего гаража, заваленный пустыми канистрами, старой резиной и прочим хламом, который отец копил годами. Это был массивный куб из черной стали, казавшийся инородным телом в нашем доме. Отец никогда не терял ключ от него — он носил его на толстой стальной цепочке под рубашкой, прямо на груди, как некоторые носят религиозные медальоны.

Однажды, когда мне было двенадцать, я задержался в гараже позже обычного. Отец думал, что я давно ушел домой смотреть мультфильмы, и я, затаив дыхание, наблюдал из-за штабеля старых покрышек, как он открывает тяжелую дверцу. Я ожидал увидеть там золото, пачки стодолларовых купюр или хотя бы дедушкин пистолет. Но внутри лежала лишь пожелтевшая тетрадь в дешевом дерматиновом переплете. Она была исписана мелким, убористым почерком и странными схемами, которые напоминали не то внутренности компьютера, не то чертежи какой-то адской машины.

Я выждал момент и, когда отец увлекся изучением разворота, выскочил из тени прямо у него за спиной. На странице был изображен гигантский бур, уходящий в бесконечную черную воронку, вокруг которой роились странные символы. — Это что, чертеж гигантского сверла? Мы будем искать сокровища в центре Земли? — мой голос прозвучал слишком звонко, и я сам испугался своего нахальства.

Реакция отца была мгновенной и пугающей. Он захлопнул сейф с таким грохотом, что у меня заложило уши. Он развернулся ко мне, и в его взгляде не было злости. Там был первобытный, ледяной ужас. Его лицо за секунду осунулось, став похожим на серую посмертную маску. — Ты не должен был этого видеть, Джонни, — прошептал он. — Никогда.

Он схватил меня за плечи, и его пальцы, пахнущие озоном, больно впились в мою кожу. Его трясло. — Это прошлое, сын. Оно мертво. Я сбежал от него через океан, я сменил имя, я стер свою жизнь, чтобы ты никогда, слышишь, никогда не слышал этого звука. — Какого звука, пап? О чем ты? — я почти плакал от страха.

Он наклонился к моему уху, и его шепот был холоднее арктического льда: — Пообещай мне... Если когда-нибудь тишина в доме станет странной... Если она начнет «булькать», как будто внизу, под фундаментом, закипает густая смола... Если услышишь этот хлюпающий стон из-под земли — не спрашивай, что это. Не пытайся помочь. Не оборачивайся. Просто беги. Беги на Север, Джонни. К самой глубо-

кой точке, где холод сковывает землю. Только там у тебя будет шанс.

В ту ночь я не мог уснуть. Число «12 262», выведенное в тетради жирным шрифтом, и этот странный, колющий язык символов казались мне порталом в ад. Я чувствовал себя так, будто мой отец — невольный тюремщик, который отчаянно пытается удержать дверь, в которую уже начали бешено стучать с той стороны. Я смеялся над его «причудами» днем, но ночью, прислушиваясь к шорохам старого дома, я впервые в жизни ощутил настоящий, липкий страх перед бездной, которая всегда была у нас под ногами.

К тому времени, как я решил уйти в морскую пехоту, отец уже почти не вставал. Болезнь, которая его точила, не была похожа ни на одну медицинскую страшилку из справочников. Врачи в местной больнице только разводили руками и бормотали что-то про «нетипичный дегенеративный процесс», но я видел правду. Та самая «незначительная мутация», о которой он в бреду шептал ночами, начала выжигать его изнутри, перестраивая его плоть по какому-то чужому, кошмарному шаблону.

В его комнате теперь постоянно стоял невыносимо густой запах озона, перемешанный с ароматом застоявшейся морской воды и чего-то металлического. Его кожа стала полупрозрачной, как пергамент, а под ней, вместо привычных вен, начали пульсировать тонкие лазурные нити. Они светились тусклым, ровным светом и были подозрительно похожи

на те схемы из его секретной тетради.

— Пап, ты как? — спросил я в один из наших последних вечеров. Солнце уже садилось, заливая комнату багровым светом. Он открыл глаза, и я едва не закричал от ужаса. В сумерках его глаза светились ровным алым светом. В них не осталось ничего человеческого — только бесконечная, холодная глубина.

— Джон... — прошептал он, впиваясь своими сухими пальцами в мою ладонь. Его хватка была неестественно мощной для умирающего. — Они не забывают. Мы пробили в земле дыру, которую нельзя заклеить пластырем. Я думал, что океан спрячет нас, что расстояние сотрет след. Я ошибся. Я передал тебе что-то... Прости меня, сынок. Это не дар. Это страховка. Он закашлялся, и на его губах появилась странная, лазурная пена. — Если мир начнет вибрировать... Если небо станет цвета сырой нефти — ищи путь на Север. К самой глубокой точке. Там начало. Там ответ. Твой код... он в твоей крови.

Он умер через неделю после моей отправки в учебку. Мама прислала мне его личные вещи. Среди старых ключей и квитанций я нашел крохотный обрывок бумаги. На нем была кривая надпись тем самым угловатым шрифтом, а ниже — дрожащий перевод: «Когда океан загорится — беги к истоку. Код доступа в твоей крови».

В казарме, под гогот сослуживцев и крики сержанта, я просто скомкал эту записку и выбросил её. Я хотел быть

обычным парнем, Джоном Кингом, морпехом, у которого есть будущее, а не сумасшедшее наследство. Я смеялся над этой запиской, сидя в баре и потягивая пиво. Я еще не знал, что «страховка» уже активирована, и мой обратный отсчет начал свой бег в ту самую секунду, когда его сердце перестало биться. Я чувствовал себя свободным, не подозревая, что бездна уже смотрит мне в спину.

Годы службы в морской пехоте и постоянный гул иракской пустыни постепенно выветрили из моей головы запах озона и бредни умирающего отца. Война — отличное средство от фантазий; когда вокруг свистят пули, тебе некогда думать о «вибрациях земли». Я научился игнорировать тихий зуд в костях, списывая его на старые контузии, недосып и привычку всегда быть начеку.

Вернувшись домой, я окончательно похоронил образ «безумного механика» и стал частью бригады в HILTON GRIN HOUSE. Это была честная, тяжелая работа на высоте. Бетон, арматура, пот — всё это давало мне то, чего так не хватало в детстве: ощущение твердой, непоколебимой почвы под ногами.

Было 17 апреля. Один из тех редких весенних дней в Нью-Джерси, когда воздух настолько прозрачен, что кажется, будто можно дотянуться до горизонта. Мы с ребятами сидели на крыше строящегося объекта, свесив ноги над краем тридцатипятиэтажной бездны. Мы жевали сэндвичи с пережаренной курицей и запивали их ледяным пивом «Duff». Черт, сейчас,

глядя на дымящиеся руины Бруклина, я бы отдал почку за тот паршивый сэндвич и глоток холодного лагеря.

По радио на фоне бормотали обычную ерунду. Диктор с фальшивым энтузиазмом рассказывал о пробках на выезде из города и об очередной нелепой попытке ограбления инкассаторского броневика GMC. — Вы только вдумайтесь в тупость этих парней, — усмехнулся я, кивая на приемник. — Пойти на бронированный танк впятером с одним паршивым револьвером? Насмотрелись кино, идиоты. — Эй, Кинг, в этой стране каждый верит, что он главный герой боевика, пока не словит пулю в колено, — отозвался Сэм Смит. Он крутил в руках свою старую зажигалку Zippo, пытаясь высечь искру. Сэм был нашим технарем — он мог починить что угодно с помощью изоленты и пары крепких слов.

Рядом Рауль Санчес, наш вечный двигатель, возился с сумкой-холодильником. — Кинг, попробуй буррито. Моя старуха добавила туда столько перца, что ты забудешь, как тебя зовут, — Рауль засмеялся, обнажая белоснежные зубы. — Этот соус — настоящее оружие массового поражения. Мы все были бывшими военными, выходцами из разных миров, но здесь, на высоте птичьего полета, мы были одной семьей. Мы смеялись, шутили над Чаком Митчеллом, который опять покраснел, когда мы спросили про его пятого ребенка.

— Заткнитесь оба, — добродушно проворчал Чак. — Слушайте лучше, что говорят. Диктор сообщил о финальной стадии испытаний глубоководного гипер-коллайдера «Аид»

где-то в самом сердце Тихого океана. Ученые обещали революцию в энергетике. — «Аид»... — Чак покачал головой, откусывая кусок сэндвича. — Название как из фильма про конец света. Увидите, эти яйцеголовые когда-нибудь доиграются. Мы лезем туда, где нам быть не положено. Океан — это не бассейн на заднем дворе. Я в шутку ударил его в плечо: — Расслабься, Чак. Это просто наука. Бесплатное электричество, бесконечные ресурсы. Скоро будем жить как в «Стартреке».

Мы все рассмеялись, наслаждаясь теплым солнцем и вкусом дешевого пива. Мы были полны планов: Сэм хотел купить лодку, Рауль мечтал о своем ресторанчике, а я... я просто хотел, чтобы этот день не заканчивался. Боже, как же Чак был прав. В тот момент мы не могли представить, что наш смех — это лишь прелюдия к крикам, и что пророчество моего отца сбудется с такой кошмарной скоростью, что мы даже не успеем допить свое пиво. Бездна уже начала открывать глаза.

Прошло ровно два месяца с того памятного обеда на крыше, когда мы лениво попивали «Duff» и спорили о бейсболе. Был июнь, и жара в Нью-Джерси стояла такая, что казалось, будто сам дьявол решил переехать к нам поближе. Асфальт под подошвами моих рабочих ботинок «Timberland» превращался в липкую, пахучую кашу, а воздух дрожал от марева, превращая очертания строящегося комплекса «HILTON GRIN HOUSE» в нечто зыбкое и нереальное.

Мы заканчивали заливку фундамента. Это была тяжелая, грязная работа, но она приносила чертово удовлетворение. Видеть, как на пустом месте вырастает нечто монументальное — в этом была своя магия. Рауль Санчес, наш вечный двигатель, носился по площадке с плеером «Sony Walkman» на поясе, из наушников которого доносился глухой ритм чего-то латинского. — Кинг, амиго! — крикнул он, вытирая пот со лба. — Слышишь этот гул? Это не бетономешалки, это звук моих будущих миллионов! Я вчера присмотрел место под ресторан. «У Рауля». Там будут лучшие тако на всем Восточном побережье. Никакого цемента, только запах жареного мяса и лайм. — Ты сначала этот фундамент долей, миллионер, — усмехнулся я, поправляя каску. — А то твой ресторан откроется прямо в котловане. Чак Митчелл, самый старший из нас, улыбнулся, глядя на Рауля. Чак всегда был якорем нашей бригады. Он вкалывал в две смены не ради абстрактных миллионов, а ради пятого ребенка, которого со дня на день ждала его жена. — Дай ему помечтать, Джонни, — пробасил Чак, бережно вытирая мастерок. — Мечты — это то, что помогает нам не сдохнуть в этой пыли. Я вот мечтаю, чтобы мой младший стал врачом. Чтобы у него руки были в антисептике, а не в мазуте, как у меня.

Мы смеялись, обсуждали планы на выходные, когда по радио объявили о запуске «Аида». Первые часы мир просто ликовал. Дикторы захлебывались от восторга, называя это «новой эрой человечества». Но к вечеру эра начала попа-

хивать тухлятиной. Сначала забарахлила рация у прораба. Вместо привычного мата и указаний из динамика донеслось ритмичное, влажное хлюпанье. Звук был таким... органическим, что у меня внутри всё сжалось. Словно кто-то огромный пережевывал мокрую губку прямо у меня в ухе.

А потом всё погасло. И это не был обычный скачок напряжения. Электричество не просто исчезло — оно словно испугалось и спряталось. Бетономешалки замерли, как огромные стальные трупы доисторических тварей. — Какого черта, Сэм? — крикнул я, чувствуя, как по спине пополз холодный пот. — Посмотри щиток! Сэм Смит возился с проводами в техническом помещении, его верная зажигалка «Zippo» чиркала, бросая короткие, нервные вспышки. — Кинг, тут бред какой-то! — донесся его голос, в котором впервые прорезалась паника. — Напряжение в сети есть! Стрелки зашкаливают, но приборы его просто... не видят. Будто ток стал другим. Будто электроны сменили полярность или просто сошли с ума!

Я вышел на улицу и замер. Весь горизонт над Атлантикой затянуло неестественным, фосфоресцирующим туманом цвета ядовитой плесени. Птицы замолчали разом. Это была самая страшная тишина в моей жизни — тишина перед казнью. Рауль стоял неподалеку, его буррито выпало из рук прямо в грязь, но он даже не заметил. — Парни, посмотрите на чаек... — тихо, почти шепотом сказал он. Сотни птиц просто падали в воду. Без единого взмаха крыльев, без кри-

ка. Они падали камнем, словно воздух внезапно перестал их держать. В этот момент мой «зуд» в костях, который я так старательно игнорировал годами, превратился в невыносимый, режущий мозг звон. Я посмотрел на свои ладони — под кожей, прямо под свежим загаром, начали отчетливо проступать лазурные нити. Они пульсировали в такт какому-то подземному сердцу, которое начало биться глубоко под нашими ногами. Чак стоял рядом со мной, его лицо было белым, как мел в школьном классе. — Они доигрались, Джонни, — прошептал он, и его голос дрожал так, что мне стало по-настоящему страшно. — Слышишь? Это не ветер. Из-за горизонта донесся звук, который невозможно забыть. Это был не взрыв и не гром. Это был глубокий, утробный стон самой Земли, смешанный с тем самым «бульканьем», о котором предупреждал отец. Планета начала захлебываться чем-то, что мы сами в неё вкачали.

В ту ночь Нью-Джерси окончательно перестал спать. Город превратился в сумасшедший дом, залитый неоновым кошмаром. Электричество жило своей собственной, безумной жизнью: оно то вспыхивало ослепительным синеватым светом, выжигая телевизоры «GoldStar» и микроволновки, то пропадало вовсе, оставляя улицы в липкой, неестественной темноте, в которой тени казались живыми.

Из окон соседних домов доносился звон разбитого стекла — мародеры, эти гиены любого хаоса, почуяли кровь раньше остальных. Я сидел на крыльце своего дома, сжимая в ладо-

нях кружку с остывшим кофе. Зуд в костях стал ровным, фоновым гулом, похожим на работу работающего трансформатора. Чтобы скрыть пульсирующие лазурью вены, я натянул старую рабочую куртку, хотя ночь была удушливой и тяжелой, как мокрое одеяло.

По телевизору, пока еще работали вышки, крутили одни и те же кадры, от которых волосы вставали дыбом. Тихий океан, который из бирюзового превратился в светящееся ртутное болото. Дикторы несли чушь про «атмосферные аномалии» и «солнечные вспышки», но их дрожащие руки и бегущие глаза выдавали правду: они были напуганы до усрачки. — Идиоты... — прошептал я, глядя на экран. — Это не небо падает. Это мы проваливаемся вниз.

В голове всплыл флешбэк — отец, стоящий в гараже, когда мне было десять. Он тогда разозлился на соседа, который слишком громко включил радио. — *Джонни, люди думают, что они хозяева, потому что умеют нажимать на кнопки,* — сказал он тогда, глядя на свои руки. — *Но они не понимают, что кнопки — это лишь иллюзия контроля. Когда земля начнет петь свою настоящую песню, все их игрушки превратятся в мусор.* Тогда я подумал, что он просто старый ворчун. Сейчас я понял, что он был единственным зрячим среди слепых.

В три часа ночи к моему подъезду, взвизгнув тормозами, подкатил армейский «Хамви». Его фары резали туман, как два лазерных луча. Из машины вышел офицер в полевой

форме — капитан Льюис. Я знал его по учебке, это был суровый мужик, которого сложно было пронять даже обстрелом. Но сейчас он выглядел так, будто не спал неделю и только что вернулся с похорон собственной матери: глаза красные, воротник расстегнут, руки мелко дрожат. — Сержант Кинг, — он не стал тратить время на приветствия. — Твой контракт резервиста активирован. Уровень угрозы «Омега». Собирай манатки, через час ты должен быть на базе Форт-Дикс.

— Что происходит, кэп? — я встал, чувствуя, как внутри всё сжимается в ледяной комок. — Это теракт? Чьи-то разработки вышли из-под контроля? Нас атакуют русские или китайцы? Льюис посмотрел на меня, и в свете фар его внедорожника я увидел в его глазах тот же холодный, мертвый блеск, что был у моего отца перед смертью. Взгляд человека, который увидел то, что не предназначено для человеческих глаз. — Если бы это было так просто, сынок... — выдохнул он, протягивая мне запечатанный конверт с красной полосой. — Это не война, Джон. Это уборка. Океан выплюнул то, что мы туда закопали сорок лет назад, и теперь оно идет сюда, чтобы забрать свое. Твоя бригада со стройки — Чак, Сэм и Рауль — уже получили такие же бумажки. Вы теперь не строители. Вы — «Отряд 76».

Я взял конверт. Бумага пахла озоном и чем-то древним, металлическим. В этот момент небо на востоке осветилось первой вспышкой — не молнией, а чем-то похожим на разряд гигантского конденсатора. Я понял: нормальная жизнь,

за которую я так цеплялся, работая на стройке и мечтая о спокойствии, сгорела в ту самую секунду, когда Льюис заглушил мотор. Мы больше не строили будущее. Мы начали готовиться к похоронам настоящего.

База Форт-Дикс напоминала разворошенный муравейник, в который кто-то плеснул бензина. Гул вертолетов «Чинук» и «Апач» перекрывал крики офицеров, а над плацем стояло марево от сотен заведенных дизельных двигателей. Запах гари, солянки и пота смешивался с тем самым озоновым ароматом, который теперь, казалось, пропитал всё вокруг. Это не был организованный сбор — это была лихорадочная попытка собрать кулак перед ударом, который никто не понимал, как отразить.

Я нашел своих парней у склада вооружения. Это было странное и жуткое зрелище. Чак выглядел потерянным — его огромные ладони, привычные к мастерку и теплоте кирпича, неуклюже сжимали холодный ремень новенькой винтовки М4. Он смотрел на оружие с отвращением. — Джонни... Я позвонил Мелиссе, — прошептал он, когда я подошел. Его голос сорвался. — Она плачет. Говорит, что в супермаркетах бойня. Люди дерутся за консервы и батарейки. Полиция... они просто уезжают, Джон. Офицеры бросают значки и едут к своим семьям. А я... я здесь. С этой железкой. — Мы всё уладим, Чак, — я попытался сказать это уверенно, но мой голос прозвучал как фальшивая нота. — Это просто мера предосторожности. Нас выставят в оцепле-

ние, и через пару дней мы вернемся к нашему бетону.

Сэм Смит, напротив, был в своей стихии, насколько это было возможно в такой ситуации. Он уже успел где-то раздобыть отвертку и проверял коллиматорный прицел своей винтовки, привычно зажав в зубах незажженную сигарету. — Ну что, Кинг, — Сэм горько усмехнулся, увидев меня. — Кажется, наш отпуск на Карибах немного откладывается. Вместо пляжного волейбола нам выдали это дерьмо. Ты видел эти нашивки? «Территориальная оборона». Нас кидают на берег как пушечное мясо, пока штабные крысы пакуют чемоданы. — Главное, что мы вместе, — отозвался Рауль, натягивая бронежилет. Его вечная улыбка исчезла, взгляд постоянно возвращался к горизонту, где небо окрашивалось в тревожный фиолетовый цвет. — Старик Хилтон подсуетился, выбил нам одно подразделение. Сказал, что если мы умеем держать строй на лесах под штормовым ветром, то и здесь не развалимся.

Нам выдали амуницию. Тяжелые бронежилеты, каски, боезапас. Всё это весило немало, но груз на сердце был тяжелее. Капитан Льюис выгнал нас на инструктаж перед картой побережья. Его палец дрожал, когда он указывал на Атлантик-Сити. — Слушайте сюда, 76-е! — гаркнул он, перекрывая рев турбин. — Никаких официальных данных нет. Радиосвязь с флотом прервана. Последнее, что мы слышали от побережья — это сообщения о «биологической угрозе». Ваша задача — сектор 4. Стройте баррикады, заваривайте лю-

ки, ставьте пулеметные гнезда. Делайте то, что умеете лучше всего — превращайте берег в крепость. Используйте бетон, арматуру, стальные балки — всё, что найдете. И помните: если что-то начнет выходить из воды — не ждите приказа. Огонь на поражение. Сразу. Без вопросов.

Чак переглянулся со мной. В его глазах застыл немой вопрос, от которого мне захотелось кричать: «Кто может выйти из воды, Джон? Рыбы? Или тени наших грехов?». Я промолчал, но мои пальцы непроизвольно сжали цевье винтовки так, что костяшки побелели. Лазурные нити под кожей пульсировали так сильно, что мне казалось, их свечение вот-вот пробьется сквозь плотную ткань армейской формы. Я боялся, что если кто-то из парней это заметит, меня сочтут первой жертвой той дряни, что разлилась в океане. Или, что еще хуже, меня сочтут её частью. Мы загрузились в грузовики, и колонна тронулась к океану. В тот момент я впервые пожалел, что не слушал отца внимательнее.

Атлантик-Сити встретил нас мертвой, оглушительной тишиной, которая была хуже любого взрыва. Знаменитый променада, где еще неделю назад толпились тысячи туристов, пахло сахарной ватой, дешевым парфюмом и азартом, теперь превратился в серую, выжженную полосу отчуждения. Казино стояли темными монолитами, их неоновые вывески, некогда манившие огнями, теперь напоминали пустые глазницы черепов.

Мы с парнями окапывались прямо напротив огромного

колеса обозрения, которое замерло в неестественном положении, как скелет доисторического зверя, выброшенного на берег. Ночи стали невыносимо длинными, холодными и густыми. — Слышите? — прошептал Рауль на вторую ночь дежурства. Мы сидели в оцеплении, вжимаясь в бетонные блоки. Мы замерли. Океан больше не шумел привычным, успокаивающим прибоем. Звук был тяжелым, ритмичным, словно где-то там, на немыслимой глубине, работали гигантские кожаные меха. Волна за волной на песок выносило не белую пену, а густую, маслянистую субстанцию, которая светилась тусклым, ядовитым лазурным светом. В этом свете мы увидели их — тысячи мертвых рыб, китов, дельфинов, выброшенных на берег. Но они не разлагались. Их тела были покрыты странной, пульсирующей черной сеткой, а из открытых пастей медленно, змеевидно выходил сизый пар.

— Черт, Кинг, посмотри на дозиметр Сэма... — Чак указал на прибор, висевший на разгрузке нашего технаря. Сэм медленно поднял прибор. Стрелка не просто зашкаливала — она дрожала в конвульсиях, будто пыталась сорваться с оси и убежать. Сэм щелкнул своей зажигалкой «Zipro», глядя на огонек. Пламя было странным — не теплым оранжевым, а почти фиолетовым, оно изгибалось в сторону океана, словно его тянула невидимая сила. — Радиация здесь ни при чем, — Сэм сплюнул на песок, который под его ногами начал подозрительно светиться. — Это не распад атома, парни. Это... что-то другое. Будто сама физика материи меняет правила

игры. Словно мир переписывают на другом языке.

В ту ночь «зуд» в моей голове впервые по-настоящему заговорил со мной. Это не были слова — человеческий язык слишком беден для этого. Это было ощущение огромного, холодного, бесконечного внимания, направленного на наш берег. Словно мы были микробами под микроскопом. Я чувствовал, как этот пульс отзывается в моих венах, как моя кровь начинает течь медленнее, подстраиваясь под ритм океана. Мне было страшно — я боялся, что теряю связь с человечеством, становясь частью этой искаженной реальности.

Под песком, глубоко в земной коре, что-то ворочалось. Звук шел снизу, вибрируя в подошвах сапог. Чак сжимал свою М4 так сильно, что его пальцы стали похожи на когти. — Если бы я знал... я бы отвез их в горы, — шептал он, не отрывая взгляда от воды. — Кинг, пообещай мне. Если со мной что-то случится... найди их. Пожалуйста. — С тобой ничего не случится, Чак, — я сказал это, но сам чувствовал, как реальность вокруг нас истончается. — Мы — строители, помнишь? Мы построили этот берег, мы его и удержим. Но в глубине души я знал: то, что идет из воды, не волнует наши баррикады. Мы ждали. Мы знали, что из этой светящейся каши скоро кто-то выйдет. И этот «кто-то» явно не собирался вести переговоры о мире.

Рассвет 20 июня так и не наступил в привычном понимании этого слова. Небо над Атлантик-Сити застыло в грязно-фиолетовом мареве, сквозь которое не пробивался ни

один луч солнца. Воздух стал плотным, кислым, от него щипало глаза и першило в горле. Мы стояли в оцеплении у самого края воды, за баррикадой из мешков с песком и бетонных блоков. Тишина была такой напряженной, что звук сорванного предохранителя казался громом.

Внезапно Рауль вскинул винтовку, его голос прозвучал как выстрел: — Движение! Триста ярдов, прямо по курсу! Из воды! Я вскинул бинокль. Из маслянистого, светящегося прибоя медленно выходила фигура. Сначала я подумал, что это обычный выживший, может, серфер, которого застало врасплох. Человек в гидрокостюме, он двигался медленно, пошатываясь, как пьяный. — Не стрелять! — крикнул я, включая подствольный фонарь. — Эй! Остановись! Подними руки! Тебе нужна помощь?

Фигура замерла. В луче моего фонаря мы увидели то, что заставило Рауля вскрикнуть на испанском, а Чака — застыть каменным изваянием. Это был человек, или то, что им было когда-то. Его кожа была полностью покрыта той самой черной пульсирующей сеткой, которую мы видели на рыбах. Вместо лица — сплошная корка из застывшей «ртути», из-под которой не проглядывало ни одной человеческой черты. Но самое страшное было в глазах — вернее, в том месте, где они должны были быть. Оттуда лился ровный, холодный лазурный свет.

Существо не дышало. Из его «рта» — просто щели в металлической маске — вырывался тот самый звук: влажное

хлопанье. Оно стояло неподвижно секунду, а затем... оно сделало рывок. Это было нечеловечески быстро. Конечно-сти существа выгибались под немыслимыми углами, суставы хрустели, как ломающийся сухой лед. — Огонь! — рывкнул капитан Льюис, и этот приказ стал концом нашего мира.

Чак выстрелил первым. Я видел, как пуля 5.56 ударила существу прямо в грудь. Но вместо крови из раны выплеснулось облако светящихся, мерцающих спор. Существо даже не замедлилось. Оно бежало на нас, издавая ультразвуковой свист, от которого лопались зубы. Мы открыли шквальный огонь. Сэм палил короткими, расчетливыми очередями, Рaulь выкрикивал яростные проклятия, поливая берег свинцом. Только когда мы буквально изрешетили его, превратив в бесформенную грудку мяса и металла, «серфер» упал, распадаясь на глазах в черные, зловонные хлопья.

Но мы не успели даже вздохнуть. В ту же секунду океан взорвался. Это не была волна воды — это была волна плоти. Сотни, тысячи таких же фигур начали подниматься из маслянистой воды по всей линии берега. Гул «Аида» перерос в торжествующий, вибрирующий рев, от которого задрожали кости. Я почувствовал, как мои вены под кожей вспыхнули нестерпимой, обжигающей болью. Казалось, эта дрянь из океана тянет из меня саму жизнь, заставляя мою кровь светиться в ответ на свой зов. Я был частью их, и я был их целью. — Кинг! Их слишком много! Мы не удержим! — перекрывая грохот выстрелов и крики умирающих, закричал Чак.

Я посмотрел на своих парней. В их глазах отражалось лазурное сияние приближающейся смерти. Мы больше не строили отели для туристов. Мы начали строить свою собственную дорогу в ад, и первый шаг по ней был сделан в крови. Старый мир официально закончился здесь, на песке Атлантик-Сити.

Нью-Йорк, город, который никогда не спал, теперь превратился в колоссальную, задыхающуюся ловушку из стекла, бетона и человеческих криков. К тому времени, как наш 76-й отряд, измотанный и поредевший после боев на побережье, отступил к Бруклинскому мосту, мегаполис уже не принадлежал людям. Небо окончательно потеряло свой цвет, став похожим на старую, запекшуюся кровь, а знаменитый туман — то, что мы прозвали «Завесой», — начал медленно сползать с вершин небоскребов, буквально растворяя в себе целые кварталы.

Мы прикрывали отход гражданских. Это было похоже на библейский исход, только вместо божественного спасения за спинами людей дышала бездна. Тысячи брошенных машин забили пролеты моста, превратив их в лабиринт из раскаленного железа. Люди бежали в сторону Манхэттена, волоча за собой детей, чемоданы и остатки своей прежней жизни, но мы-то знали — бежать было некуда. Остров стал островом смерти.

— Держим строй! Не растягиваться, мать вашу! — орал я до хрипоты, перекрывая бесконечный вой брошенных про-

тивоугонок и тот самый низкий, утробный гул, идущий со стороны океана. Мой голос казался мне чужим, сорванным и сухим.

Мы стояли в арьергарде. Сэм и Рауль работали плечом к плечу, экономя патроны и отсекая одиночными, расчетливыми выстрелами тех «ходовков», что выбирались из Гудзона. Эти твари больше не походили на людей — они двигались дергано, неестественно, их глаза светились тем самым лазурным светом, который теперь снился мне в кошмарах. Чак шел последним. Его огромное тело в грязном, пропотевшем камуфляже казалось нам незыблемой скалой. Он был нашим якорем в этом океане безумия. Он всё еще сжимал в одной руке винтовку, а в другой — рацию, надеясь услышать голос Мелиссы. Но из динамика доносился только мертвый, белый шелест.

— Чак, брось её, связи нет! — крикнул Сэм, меняя магазин. — Она ответит, Сэмми. Я чувствую, — глухо отозвался Чак, и в его взгляде была такая безнадежная вера, что мне захотелось выть.

Внезапно «Завеса» впереди нас, прямо над стальными тросами моста, взорвалась черным, пульсирующим роем. Это не были те «ходыки», к которым мы привыкли. Тысячи мелких, похожих на иглы существ заполнили пространство, превращая воздух в густую, жалеющую массу. Видимость упала до нуля за секунды. Воздух стал кислым и плотным. — Чак! — закричал я, чувствуя, как паника ледяной рукой сжи-

мает горло. — Чак, назад, к машинам! Уходим!

— Я... я задержу их, Кинг! Уводи ребят и тех людей! — донесся его бас из густого марева. Я рванулся к нему, но Рауль перехватил меня за плечо. — Кинг, нет! Нас сожрут вместе с ним! Уходим! А потом раздался странный звук — не крик боли, а сухой, жуткий треск, будто ломается вековое дерево под напором урагана. И следом — внезапный, тяжелый всплеск воды далеко внизу, под пролетами моста. Когда через мгновение налетевший ветер разогнал мглу, на том месте, где стоял Чак, не было никого. Только его разбитая каска с нацарапанным именем сына валялась на асфальте, а из темноты под мостом доносилось низкое, торжествующее урчание Роя. Мы не видели тела. Мы не слышали его последнего вздоха. Чак Митчелл, отец четырех пацанов, просто исчез в черном тумане, оставив нас с этой невыносимой, звенящей пустотой в груди. Мои ладони жгло так, будто я держал раскаленный уголь, но я не чувствовал силы — только ядовитую ярость и ледяной страх перед тем, что эта тьма заберет нас всех по одному, пока не останется никого, кто мог бы помнить наши имена.

Мы бежали так, как не бегали никогда в жизни. Не как герои из боевиков, которые пафосно уходят от взрыва, а как загнанные крысы, которые только что заглянули в пасть голодному зверю и чудом успели отпрыгнуть. Рауль дышал тяжело, со свистом, его лицо было залито потом и серой пылью моста, глаза расширены от шока. Сэм молчал, его губы

превратились в тонкую линию, а пальцы так сильно сжимали цевье М4, что пластик, казалось, вот-вот лопнет.

Мы пробились к одному из недостроенных небоскребов «Hilton's Grin House» на самой окраине Бруклина. Это было символично и жутко одновременно: наша стройка, на которой мы мечтали о светлом будущем, стала нашим единственным убежищем. Мы забаррикадировали лестницы, заваривали грузовые лифты и поднялись на восемнадцатый этаж — там, где бетонные перекрытия уже застыли, но стены еще не успели обрести свои стеклянные фасады.

— Он выберется... Черт возьми, Джон, он точно выберется, — прошептал Рауль, когда мы рухнули на холодный бетонный пол. Его трясло. — Слышишь, Кинг? Чак — он же как танк. Его пулей не возьмешь, а какая-то вода... Он просто упал в воду. Он выплывет. Он найдет нас, я знаю. Он обещал Мелиссе. Я не ответил. Я не мог. Я смотрел на свои руки, которые мелко дрожали в предрассветном сумраке. Лазурное свечение под кожей теперь не гасло даже на минуту. Оно пульсировало в такт «Завесе», которая медленно окутывала здание снаружи, превращая небоскреб в остров в океане серого кошмара.

Сэм подошел к панорамному проему. Остекление еще не успели закончить, и перед нами была лишь бездонная, пугающая пустота. Он чиркнул своей Zipro. Огонек был бледным, почти прозрачным, словно сам воздух высасывал из него энергию. — Города больше нет, — холодно бросил Сэм,

глядя вниз. Я подошел к краю. Там, где раньше сверкали огни Таймс-сквер и шумели улицы, теперь копошилась живая, маслянистая тьма. Рой перетекал через улицы, как лава, поглощая всё живое. Мы были на высоте шестидесяти метров, отрезанные от остального мира, с ограниченным запасом патронов и без нашего «самого большого парня». Каждый случайный шорох снизу — скрежет арматуры на ветру или обвал штукатурки — казался нам тяжелыми шагами Чака. Нам хотелось верить, что это он. Но разум, холодный и жестокий, понимал: тот, кто уходит в Рой, назад не возвращается. По крайней мере, не возвращается тем человеком, которого ты знал.

— Мы не будем сидеть здесь и ждать смерти, — я поднялся, чувствуя, как внутри закипает холодная, ядовитая ярость. Тот самый зуд в костях, доставшийся мне от отца, теперь бил набатом. Я больше не боялся его. Я воспринимал его как проклятие, которое дает мне право на месть. — Перезаряжайтесь. Сэм, проверь запасы. Рауль, найди любую рацию, которая еще ловит хоть что-то. Мы найдем еду, мы найдем связь. Мы выясним, есть ли еще кто-то живой в этом аду. Если Чак там, внизу... он увидит наш сигнал. Мы станем для него маяком.

Прошло два месяца. Шестидесят дней и ночей, которые слились в одну бесконечную череду караулов, вылазок и ожидания. Восемнадцатый этаж недостроенного небоскреба стал нашим миром, нашей единственной твердыней и нашей

добровольной тюрьмой. Мы изменились. Рауль стал тихим и невероятно быстрым, его вечные шутки сменились расчетливым хладнокровием. Сэм превратил этаж в инженерный шедевр выживания.

Мы не просто сидели и ждали смерти. Используя наши знания строителей и остатки взрывчатки, которые нашли в технических подсобках, мы методично обрушили две соседние малоэтажки и подорвали часть парковки. Теперь вокруг нашего здания образовался «пустой горизонт» — чистое, простреливаемое пространство на триста ярдов во все стороны. Ни одна тень, ни один «ходок» не мог приблизиться к нам незамеченным. Мы создали свою «зону смерти».

— Чисто на три часа... Сектор Б свободен, — хрипло отозвался Рауль, не отрываясь от оптического прицела винтовки. Он сильно похудел, его глаза запали, став похожими на два темных провала, но руки работали с автоматизмом дорогого станка. Сэм соорудил на этаже целую систему зеркал и перископов из остатков остекления, чтобы мы могли наблюдать за мертвыми улицами, не высываясь из проемов и не подставляясь под «иглы» Роя. Быт наш стал спартанским до боли: костер из строительных лесов в центре зала, консервы, которые мы добывали в самоубийственных ночных вылазках, и бесконечное, сводящее с ума ожидание.

Каждое утро ровно в 6:15 я выходил к самому краю плиты. В это время «Завеса» на мгновение становилась прозрачнее, словно мир делал короткий, судорожный вдох перед но-

вым приступом удушья. Я смотрел вниз на наш «прострел». Мы всё еще надеялись. Мы выложили на крыше гигантские буквы «76-й СЕКТОР» из белых мешков с цементом — наш знак для Чака. Если он жив, если он бродит там, внизу, потерянный в этом тумане, он должен знать — мы его ждем.

— Кинг, патроны на исходе... Осталось три рожка на каждого, — Сэм подошел ко мне, привычно крутя в пальцах свою Zipro. Бензин в ней давно закончился, но он продолжал щелкать кремнем, высекая искры. — Твои «нити» на руках светятся сегодня особенно ярко. Ты сам это видишь? Я посмотрел на свои ладони. Лазурный свет пульсировал под кожей, отзываясь на глубокую вибрацию, шедшую из самых недр города. Я чувствовал эту связь как паразита, который впился в мой позвоночник и методично высасывает остатки моей человечности. Мы удерживали этот этаж два месяца, став костью в горле у Роя, но я понимал: время нашей крепости вышло. Город внизу кишел, и этот проклятый «зуд», доставшийся мне от отца, подсказывал: сегодня ночью они решат покончить с нашим бастионом. Воздух вокруг здания стал густым, как сироп. Они шли за нами.

Наш восемнадцатый этаж давно перестал быть просто наблюдательным пунктом трех дезертиров-строителей. За эти два месяца здание превратилось в вертикальный город, в последний «Ковчег» посреди тонущего Нью-Йорка. Помимо нас троих, здесь закрепилось около полусотни человек. Это была гремучая, отчаянная смесь из уцелевших рабочих на-

шей бригады, пары напуганных связистов из Нацгвардии, отбившихся от своих частей, и обычных гражданских, которых мы буквально выдергивали из лап Роя во время наших первых, безумных вылазок.

Здесь были сварщики, способные из куска ржавой арматуры и старого автомобильного аккумулятора собрать смертоносную ловушку под напряжением. Были врачи, которые научились проводить сложные операции при свете дрожащих китайских фонариков и под аккомпанемент криков за окном. Каждый был при деле. Женщины сортировали скудные припасы, ведя учет каждой банки фасоли, мужчины укрепляли лестничные пролеты. Мы с Сэмом и Раулем стали для них чем-то вроде полевых командиров, богов войны в грязных касках. Они смотрели на нас с такой надеждой, от которой иногда хотелось пустить пулю в висок, потому что мы знали — ресурсов не хватит даже до первых холодов.

— Кинг, фильтры для воды сдохли окончательно. «Мы пьем ржавую грязь из пожарных резервуаров», — сказал один из работяг, старый бетонщик по имени Пабло, вытирая мазутные руки о ветошь. — И люди... они шепчутся. Они видели, как ночью «Завеса» лизала стены этажом ниже. Она поднимается, Джон. Медленно, но верно. Я оглядел наше убежище: ряды грязных матрасов на бетонном полу, тихий, надрывный плач ребенка в углу и сосредоточенные, серые лица парней из Нацгвардии, методично чистящих оружие. Мы расчистили сектора обстрела, мы создали крепость, но

мы не могли обрушить само небо, которое медленно оседало на нас ядовитым туманом.

— Готовьте людей, — негромко приказал я Сэму. — Собирайте только самое необходимое. Лекарства, патроны, воду. Одежду. Мы не сможем вечно удерживать эту высоту. Рой уже пробует здание на вкус. Я слышу, как они скребутся в вентиляции на десятом. Сэм кивнул, его взгляд встретился с моим. Мы оба понимали: попытка вывести пятьдесят изможденных людей через город, кишачий тварями — это чистое самоубийство. Но сидеть здесь и ждать, пока «Завеса» растворит нас заживо, превратив в часть своей биомассы — еще хуже. Наш единственный шанс лежал не наверху, а глубоко под землей. Там, где бетон метро мог дать нам лишний час жизни. Зуд в моих костях стал невыносимым, я чувствовал, как здание вибрирует от шагов тысяч существ, ползущих по нижним этажам. Я сжал кулаки, пряча сияющие лазурью вены. Моя «страховка» требовала оплаты, и эта цена была выше, чем я мог себе представить.

В 6:15 утра мир всегда замирал. Это были единственные десять минут в сутках, когда «Завеса» над Нью-Йорком истончалась, превращаясь из плотного маслянистого киселя в прозрачную, призрачную дымку. Я стоял на самом краю бетонной плиты восемнадцатого этажа, там, где не было ограждений, и смотрел на то, что когда-то называлось Бруклином.

Холодный ветер с океана приносил запах озона и какой-то едкой, химической гари — запах умирающей планеты. На

моем левом запястье тускло мерцал циферблат армейских часов. Цифры на них дрожали, хаотично перескакивая с 6:15 на нулевые отметки и обратно — та же чертовщина, что происходила с часами моего отца. Металл корпуса вибрировал, отзываясь на лазерный ритм в моих жилах. Время здесь больше не имело линейного значения; оно просто утекало сквозь пальцы, как пепел.

Вокруг просыпался наш «Ковчег». Слышалось шуршание спальных мешков, тихий шепот молитв на разных языках и резкий, сухой лязг затворов — бойцы «76-го» проверяли оружие перед последним броском. Пятьдесят человек, доверивших нам свои жизни, поднимались с холодного бетона. Гражданские жались друг к другу, их лица в сером свете казались высеченными из пористого камня, лишенными эмоций, кроме одной — тупого, животного страха.

— Кинг, посмотри на опоры... — Сэм подошел ко мне, указывая на лестничный пролет. Здание мелко, ритмично содрогалось. Это не был ветер. Это не была осадка фундамента. Рой уже не просто скребся внизу — он методично перегрызал стальной скелет небоскреба, пожирая металл своими кислотными челюстями. Звук был похож на работу сотен гигантских насекомых-термитов. Наш бастион в небе официально стал нашей могилой, которая вот-вот должна была обрушиться.

— Собирайтесь, — мой голос прозвучал глухо и властно в этой звенящей тишине. — Оставляем всё лишнее. Ника-

ких памятных вещей, никакой тяжелой клади. Только то, что сможете нести на себе, не теряя скорости. Если кто-то упадет — мы не сможем вернуться. Я видел лицо Рауля — он смотрел на фотографию Чака, которую мы нашли в его сумке. Сэм проверял свою последнюю гранату. Я сжал кулаки, чувствуя, как лазурные нити под кожей пульсируют в такт разрушению здания. Путь оставался только один — вниз, в преисподнюю подземных туннелей метро. Мы должны были нырнуть во тьму, чтобы найти свет. Или чтобы окончательно в ней исчезнуть.

Я затушил последнюю сигарету прямо о холодный, выщербленный бетон, чувствуя во рту липкий, кислый привкус дешевого джина, которым мы пытались заглушить страх последние два месяца. Ночь не принесла желанного отдыха, она лишь выпила последние остатки сил, оставив после себя звон в ушах и тяжесть в веках. Гул «Аида» за окном стал громче, обретая почти осязаемую плотность. Завеса над Бруклином вращалась, как в гигантской, безумной центрифуге, перемешивая обрывки облаков с фиолетовым дымом и превращая день в бесконечные, безжизненные сумерки.

— Кинг, прекрати пялиться в эту бездну, — Сэм резко хлопнул меня по плечу. Его рука дрожала, а голос звучал сухо, как треск ломающихся веток. — Солнца не будет, Джон. Ни сегодня, ни завтра. Собирай людей. Нам нужно уйти до того, как эта башня окончательно сложится, как карточный домик под сапогом великана. Слышишь, как арматура сто-

нет? Она больше не держит.

Я в последний раз оглядел наш 18-й этаж, который за эти два месяца стал нам домом. Пустые, обгоревшие банки из-под фасоли, ряды грязных, провонявших потом матрасов, буквы «76-й СЕКТОР», которые мы так тщательно выкладывали мешками с цементом на крыше в надежде, что Чак их увидит... Всё это теперь принадлежало прошлому, мертвому миру, который не смог защитить своих создателей.

— Уходим! — рывкнул я, перехватывая винтовку. Пальцы привычно легли на холодный металл. — Сэм, Рауль — в авангард. Проверяйте каждый шаг. Нацгвардейцы — замыкают группу, дистанция два метра, стволы на 180 градусов. Гражданские в центре. Держимся плотно, как в свежей бетонной заливке. Если кто-то отстанет — вытаскивать не будем.

Мы вошли в темный, дышащий сыростью зев лестничного пролета. Света наших тактических фонарей едва хватало, чтобы пробить густую взвесь пыли, штукатурки и каких-то странных, липких спор Роя, которые летали в воздухе, словно живой пепел. Каждый шаг вниз отдавался в моих костях тем самым болезненным «зудом», который стал моим новым компасом. Чем глубже мы спускались, тем яростнее лазурные нити на моих предплечьях реагировали на близость врага. Они пульсировали, обжигая кожу изнутри, предупреждая: мы больше не хозяева этого здания. Там, внизу, на нижних этажах, здание уже не дышало привычными сквоз-

няками — оно чавкало. Жирно, влажно, словно огромная пасть пережевывала сталь и камень.

— Фонари на минимум! — прошептал я, когда мы достигли пятнадцатого этажа. Переход превратился в узкий туннель из рваного металла. — Оружие на предохранитель, стрелять только в упор. Теперь мы на их территории. Мы больше не строим, парни. Мы пытаемся проскользнуть сквозь зубы.

Настоящий прорыв начался через десять минут после той последней сигареты. Мы не стали ждать, пока Рой зажмет нас на крыше или в узких коридорах верхних этажей — мы сами обрушили лестничные марши выше восемнадцатого, заложив остатки взрывчатки. Это отрезало путь всему, что могло спуститься за нами сверху, но одновременно захлопнуло за нами дверь в небо.

Пятьдесят человек... перепуганные работяги с нашей стройки, женщины с серыми от пыли лицами, пара парней из Нацгвардии с остекленевшими, безразличными глазами людей, которые видели слишком много смертей. Мы шли по центральной лестнице, пробивая тьму узкими, дрожащими лучами фонарей. Каждый наш шаг отзывался гулким, издевательским эхом в пустых шахтах лифтов, а всё здание под ногами продолжало мелко, лихорадочно дрожать, словно в ознобе.

— Тишина в строю! — шипел Рауль, идя впереди. Его винтовка постоянно сканировала темноту. — Если кто-то

пикнет, я лично засуну кляп в горло.

Но абсолютной тишины не было. Здание стонало, как живой раненый зверь. Где-то в самом фундаменте, там, где мы когда-то с гордостью заливали марку 500, Рой уже закончил свою разрушительную работу. Мы слышали, как металл с жутким скрежетом трется о бетон, как с сухим треском лопаются несущие колонны, не выдерживая веса искаженной реальности. Когда мы наконец достигли вестибюля первого этажа, нас обдало тяжелым, тошнотворным запахом озона и застоявшейся морской воды, протухшей тысячи лет назад.

Остекление фасада, которое мы так старательно монтировали, было выбито наружу. За пустыми проемами, в сером, колышущемся мареве Завесы, уже копошились тени. Они не нападали сразу — они ждали, когда мы покинем свою крепость и станем уязвимыми на открытом пространстве. Их лазурные глаза мерцали в тумане, как огни далеких, враждебных маяков.

— К метро! — скомандовал я, чувствуя, как лазурный зуд в моих костях переходит в настоящую, ослепляющую пульсирующую боль. — Бегом! Держитесь за рюкзаки впереди идущих! Не смотреть по сторонам!

Мы вывалились из здания на нашу расчищенную площадь. Это был бег через чистилище. Плотный туман Завесы лип к лицу, как мокрая паутина, забивался в легкие, мешая дышать и вызывая кашель. Рауль палил короткими, экономными очередями, отсекая тварей, которые молниеносными

тениями метались между брошенными строительными лесами, пытаясь перерезать нам путь к входу в подземку.

Я видел, как один из наших — парень-электрик по имени Том, с которым мы еще три месяца назад спорили о схемах проводки — на секунду замешкался, оглянувшись назад на наш брошенный, умирающий небоскреб. Этой секунды Рою хватило. Черное, гибкое пятно метнулось из подворотни с невероятной скоростью, и Том просто... исчез. Без крика, без борьбы. На грязный асфальт упала только его пустая оранжевая куртка и разбитый фонарик, а туман мгновенно сомкнулся над тем местом, где он стоял. Мы не остановились. Мы нырнули в зев станции «Бруклин-Хайтс», когда небо над нами окончательно почернело, словно захлопнулась крышка гроба. Мы бежали вниз по замершим, покрытым слизью эскалаторам, в темноту, которая в тот момент казалась безопаснее ядовитого неба. Я не знал, куда мы идем, но в голове билась одна мысль: «Глубже. Нужно уйти так глубоко, чтобы сама Земля спрятала нас от этого света».

Тоннели метро больше не напоминали привычную транспортную артерию города. За те месяцы, что мир катился в ад, подземка превратилась в чрево гигантского, больного зверя. Мы шли уже несколько часов, хотя время здесь вело себя как сломанный, безумный механизм: на моих армейских часах секундная стрелка то замирала на несколько минут, то вдруг начинала нестись по кругу, как сумасшедшая. Лучи фонарей вязли в воздухе, который стал плотным, маслянистым и мут-

ным, напоминая застоявшийся кисель.

— Кинг, ты это слышишь? — Рауль замер, вскидывая винтовку в пустоту тоннеля. Его голос дрожал от напряжения.

Мы остановились. Из темных вентиляционных шахт доносился не привычный свист сквозняка, а тихий, многоголосьный, влажный шепот. Казалось, бетонные стены метро переговариваются между собой на языке, который не предназначен для человеческих ушей. Этот звук пугающе резонировал с лазурным зудом в моих костях, вызывая тошноту. Люди за моей спиной жались друг к другу, их дыхание в свете фонарей превращалось в тяжелый, сероватый пар, хотя в тоннеле должно было быть тепло.

— Фонари дохнут, Джон... — глухо произнес Сэм, с силой встряхивая свой «Maglite». Луч стал тусклым и желтым. — Я менял батарейки час назад. Совершенно новые из упаковки. Что-то высасывает из них энергию прямо сейчас. Не просто сажает — оно её ест.

Мы двинулись дальше, стараясь не касаться стен. Через сотню ярдов мы уперлись в то, чего физически не должно было существовать в нашей реальности. Тоннель впереди не просто закончился тупиком — он начал плавно закручиваться в бесконечную, противоестественную спираль. Рельсы, ржавые и изогнутые, уходили не вперед, а плавно забирали вверх, перетекая прямо в свод тоннеля. Бетонные стены стали мягкими, податливыми на ощупь, словно кожа. Они

были покрыты маслянистой пленкой, которая мерцала тем самым призрачным лазурным светом, что я видел в глазах тварей на побережье Атлантик-Сити.

— Это не тупик, Джонни... посмотри... — прошептала одна из женщин в нашей группе, указывая дрожащим пальцем в самый центр этой архитектурной аномалии.

Там, где по законам логики должна была быть тьма и тупик, пульсировало нечто невообразимое. Это было нечто среднее между огромной лужей жидкой ртути и рваной, кровоточащей раной в самой ткани пространства. Она дышала. Тяжело, мерно. От неё исходил жар, который перемешивался с ледяным, могильным холодом Завесы. Я сделал шаг вперед, и мои руки внезапно вспыхнули ярким лазурным пламенем — настолько мощным, что свет пробился сквозь плотную ткань перчаток, осветив наши искаженные страхом лица. Зуд в голове превратился в беззвучный, разрывающий череп крик. Я понял: Бруклин остался позади. Мы стояли на пороге места, где география перестала существовать. Единственный шанс не быть поглощенными Роем, который уже спускался в тоннели по нашим следам, лежал через это светящееся, пульсирующее безумие.

Рой приближался к нам со спины как черное, живое цунами. Гул их тысяч лап и хлюпанье челюстей отражались от стен тоннеля, сливаясь в единый, сводящий с ума шум. До них оставалось не больше десяти метров — в свете наших гаснувших фонарей я уже видел, как вибрируют их черные

жвалы и как лазурный свет в их глазах сливается в единую стену огня.

— Сэм, Рауль! ГРЕНАДЫ! — заорал я так, что горло обожгло болью. — Бросаем и прыгаем в эту дрянь! Другого пути нет!

Мы одновременно сорвали чеки. Это не был план спасения — это был жест чистого, дикого отчаяния. Взрыв должен был либо обрушить тоннель и задержать их, либо прикончить нас самих раньше, чем Рой начнет свою трапезу. Две ослепительные вспышки на мгновение разорвали темноту, ударная волна ударила в грудь, выбивая воздух из легких. Нас, уже потерявших равновесие и ориентацию в пространстве, просто впечатало спинами в ртутную, теплую жижу портала.

В ту же секунду реальность вокруг нас лопнула, как перетянутая струна. Прыжок не был похож на полет или падение. Ощущение было такое, будто меня пропустили через гигантскую мясорубку, атом за атомом, а потом попытались наспех собрать обратно, перепутав половину деталей. Ледяной холод, который сменялся нестерпимым жаром, разряды тока, прошивающие вены, и... тишина. Абсолютная, звенящая тишина, какой не бывает в мире живых.

Я чувствовал, как мои молекулы растягиваются по бесконечной лазурной нити, связывающей один край планеты с другим. Бруклин, «HILTON GRIN HOUSE», Чак, крики людей — всё это превратилось в далекие искры в глубине мое-

го угасающего сознания. А потом был удар. Твердый, ледяной гранит под лицом и запах... запах, который я не чувствовал никогда в жизни. Запах старого метро, мазута и чего-то очень знакомого, но забытого. Я открыл глаза и увидел над собой не ржавые своды Бруклина, а величественные, богато украшенные колонны станции, которая никак не могла находиться в Нью-Йорке. И тут я услышал голос, который окончательно поставил точку в моей старой жизни.

Вспышка. Тишина. А затем — звук, похожий на хлопок гигантского пузыря, за которым последовала тишина настолько абсолютная, что я услышал, как кровь стучит в моих собственных висках. Ледяной воздух ударил по легким, как аммиак, выжигая остатки бруклинского смога. Я лежал на животе, чувствуя под ладонями не привычный пористый бетон Нью-Йорка, а холодный, щербатый и невероятно плотный гранит. Пахло пылью столетий, старым горелым железом и той специфической сыростью подземных рек, которую ни с чем не спутаешь.

Я с трудом повернул голову, чувствуя, как шея скрипит, словно заржавевший болт. Платформа была пуста. Никаких пятидесяти человек, которых мы пытались спасти. Никаких криков женщин, ни плача детей. Портал сработал как неисправный, сломанный мусоросортировщик: он просто выплюнул нас троих, а где остались остальные — в Бруклине, в недрах ртутной жижи или просто распылены на атомы — одному Богу было известно. Если Бог еще присматривал за

этим местом.

Справа Сэма рвало прямо на рельсы; его тело содрогалось в конвульсиях от квантового похмелья. Рауль стонал неподалеку, свернувшись калачиком, его пальцы судорожно скребли по камню, пытаясь найти хоть какую-то опору в этом новом, чужом мире. — Джон... — прохрипел Сэм, вытирая рот рукавом грязного камуфляжа. — Где мы? Это... это не Бруклин, Кинг. Мы промахнулись.

Я поднял взгляд. Над нами нависали тяжелые, монументальные своды. Желтушный, неверный свет аварийных ламп выхватывал из темноты странные, колющие буквы на стенах — те самые непонятные символы, которые я видел в тетради отца под числом «12 262». Это был кириллический шрифт, но тогда он казался мне шифром из иного измерения.

— Встать! Руки за голову! — Громоподобный, лишенный всякого сочувствия окрик на незнакомом, резком и лязгающем языке заставил мое сердце подпрыгнуть к самому горлу.

Нас окружили четверо. Они возникли из теней за колоннами, как призраки. В центре стоял человек с лицом, будто высеченным из того же гранита, на котором мы лежали. Глубокий шрам пересекал его щеку, а стальные глаза смотрели на нас так, будто мы были новыми видами насекомых. Это был майор Буров. Он целился мне прямо в переносицу из автомата, модель которого я видел только в секретных справочниках по иностранному оружию — АК-12.

— Who are you? — прорычал он на ломаном, тяжелом ан-

глийском, и я понял, что палец на его спусковом крючке не дрогнет, даже если мир окончательно развалится. — Speak!

Я медленно, очень медленно поднял руки, чувствуя, как лазурные нити под кожей начинают гаснуть, оставляя после себя лишь тупую, ноющую боль. — We are Americans... US Marines... — выдохнул я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, как у побитой собаки. — Мы... мы не знаем, как здесь оказались. Помогите нам.

Буров прищурился, изучая наши нашивки «76-го». Один из его бойцов — парень с грязным, пропитанным сукровицей бинтом на голове — что-то быстро заговорил ему на своем языке, яростно указывая на наши руки. — Майор, посмотрите на их вены! Они светятся! Может, это новые адаптанты? Пристрелим их, пока не очухались!

Буров, не оборачиваясь, коротко и жестко ударил парня прикладом в плечо. — Shut up, Kolya. Они не похожи на тварей. Твари не носят бронежилеты «Interceptor» и не выглядят так, будто их только что переехал товарный поезд.

Майор шагнул ближе, и холодный срез ствола его АК коснулся моего лба. Металл был ледяным. — New York? — спросил он, и в его голосе проскользнуло нечто похожее на горькое, почти злорадное удивление. — Из Бруклина прямо в центр Москвы? Далековато вы за хлебушком сходили, сержант.

Он сплюнул на рельсы и обернулся к своим, отдавая приказы, которые звучали как удары молота: — Обыскать их.

Оружие забрать. Кто дернется — пулю в колено. Ведите в блок «Б». Дайте им каши... и подыщите переводчика среди связистов, если этот «сержант Кинг» действительно не понимает ни слова по-нашему.

Буров посмотрел на меня в последний раз перед тем, как развернуться. В его глазах не было гостеприимства. — Welcome to Moscow, King. Hope you can shoot better than you look, потому что сегодня ночью у нас будут гости. И они не любят туристов.

Нас вели по платформе, как военнопленных, захваченных на поле боя. Огромные гранитные колонны станции, которая когда-то была гордостью империи, теперь в свете самодельных факелов и керосинок отбрасывали уродливые, ломаные тени на закопченный свод. Вокруг кипела жизнь, но это была жизнь в агонии. Женщины в грязных, засаленных пуховиках варили что-то в железных баках над кострами, мужчины с лихорадочно блестящими глазами чистили оружие прямо на тюках с тряпьем. Детей не было видно — их держали в глубине, за импровизированными бетонными перегородками, откуда доносился лишь тихий, приглушенный кашель.

В блоке «Б» — холодном бетонном мешке за тяжелой железной гермодверью — нас заставили раздеться до пояса. — Hands up! Legs wide! — выкрикивал Коля, тот самый парень с бинтами. Его английский был ужасен, он выплевывал слова, как пули, но ствол его автомата, уткнувшийся мне прямо в солнечное сплетение, в переводе не нуждался.

Коля методично, с какой-то беззастенчивой дотошностью изучал наши тела. Он искал не только скрытое оружие. Он искал признаки смерти. — Чистые, — наконец бросил он Бурову на своем резком языке. — Ни кристаллов, ни сыпи. Только синяки от перехода.

Буров подошел ко мне вплотную. От него пахло дешевым табаком, порохом и старым потом. Его взгляд зацепился за татуировку на моем плече — «Semper Fi». Он коснулся её грубым пальцем. — Marine, — Буров кивнул, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на профессиональное признание. Но оно быстро исчезло. — In Moscow... this motto not work, King. Здесь нет верности. Здесь есть только «Friend or Foe». Друг или враг. И прямо сейчас вы для нас — Foe. Подозрительные тени из другого мира.

Они забрали у нас всё. Мой армейский нож, зажигалку Zippo, которую Сэм так берег, наши жетоны. Рауль дрожал от холода — или от осознания того, что мы застряли на другом конце планеты — и что-то быстро шептал на испанском. — What he say? — подозрительно спросил Коля, ткнув Рауля стволом под ребра. — He is praying, — ответил я, глядя Коле прямо в глаза, не отводя взгляда. — Молится, чтобы ты не порезался о его нож, когда будешь его прятать. Потому что если ты его тронешь, он тебе не поможет.

Буров едва заметно усмехнулся. В этой усмешке было больше угрозы, чем в криках Коли. — We return it. Если доживете до утра. Одевайтесь. Холод здесь — это меньшая из

ваших проблем.

Нас оставили в карантине — небольшом помещении, которое когда-то, вероятно, было служебной каморкой. Буров присел на край тяжелого дубового стола и закурил едкую папиросу без фильтра. Тяжелый, незнакомый и удушливый запах быстро заполнил комнату. Майор заговорил, мешая английские слова с русскими, но смысл его слов пробивал насквозь без всякого переводчика. Это была лекция о нашем новом мире.

Он рассказывал об «избранных». О том, как Рой вводит в человека токсин, который не убивает мгновенно, а начинает методично перестраивать биологию. Буров описывал это медленно, смакуя ужас: как выпадают волосы, обнажая серую, лоснящуюся кожу; как она становится гладкой, теряя поры; как исчезают глаза и уши, затягиваясь плотной лазурной пленкой.

— Но самое жуткое, Кинг, — Буров выпустил струю дыма мне в лицо, — это когда появляется «вертикальный рот». Он разрезает лицо от подбородка до самого затылка, обнажая ряды игл. А пальцы... они превращаются в присоски. Вы перестаете быть людьми. Вы становитесь строительным материалом для их гнезд.

Я слушал его, и мой желудок сжимался в тугий узел. Я вспомнил того «серфера» в Атлантик-Сити. — Десять дней, — Буров поднял десять заскорузлых пальцев перед моим лицом. — Ten days of agony. И самое страшное — вы остаетесь

в сознании. Вы всё чувствуете. Как ломаются кости, как плавится мозг. Мы ждали, пока вы выйдете из портала. Ждали, пойдет ли от вас сизый пар. Ждали ваших первых криков.

Я посмотрел на Сэма и Рауля. Мы только что вышли из ртутного холода портала, думая, что спаслись, но от этих слов кровь застыла окончательно. — You are cold, — подытожил Буров, затушив папиросу о край стола. — Значит, токсина в чистом виде нет. Или вы... something else. Что-то похуже. Сидите тихо. Скоро будет еда. Если вы сможете её проглотить после моих историй.

Нас усадили в углу платформы, подальше от основных проходов. Перед каждым поставили побитую алюминиевую миску с серой, дымящейся кашей, в которой плавали куски подозрительного волокнистого мяса. Запах был диким, резким, но после двух месяцев голодовки на стройке в Бруклине он казался ароматом из лучшего ресторана на Пятой авеню.

Рауль подозрительно, с опаской ткнул ложкой в серую массу. — Джон... что это за мокрый песок? Где соус? Где хоть какой-то вкус? — его голос дрожал. — Это каша, Рауль. Ешь и не задавай вопросов, — я зачерпнул полную ложку. Это была гречка. Я не знал её названия тогда, но вкус соли, железа и жира был божественным. — В Нью-Джерси мы грызли картон и пили дождевую воду, а здесь это — королевский ужин. Ешь, пока дают.

Сэм ел молча, его взгляд был прикован к солдатам Букова, которые разливали что-то из пластиковой канистры в круж-

ки. — Кинг, спроси, это спирт? Может, нам нальют? Нам нужно продезинфицировать мозги после того, что мы видели в тоннеле. — Забудь, Сэм. Это для оптики или для чистки стволов. Нам здесь не рады настолько, чтобы поить выпивкой.

Внезапно Рауль замер. Его ложка, не дойдя до рта, застыла в воздухе. — Вы слышите? — его шепот был едва различим под гулом голосов на станции. — Этот звук... бульканье. Как тогда, на крыше.

Мы замолчали. Звук шел сверху. Не из тоннелей, а из вентиляционных решеток, спрятанных глубоко под сводом. Мерзкий, влажный, хлюпающий стрекот, который нарастал с каждой секундой. — ТРЕВОГА! — взревел голос где-то у входа в блок. — СЕКТОР ТРИ! ОНИ В ВЕНТИЛЯЦИИ!

Свет на станции мигнул и погас. В ту же секунду включились аварийные красные лампы, заливая гранитную платформу цветом свежей венозной крови. Величественные колонны мгновенно превратились в зубы в пасти гигантского монстра. Буров выскочил на платформу, его лицо было сосредоточенным, он на ходу передергивал затвор. — Kolya! Give them guns! Quick! — он резко обернулся ко мне, и в его глазах вспыхнул азарт охотника. — King! Show me how you fight in America! Или сдохни прямо здесь, в своей миске с кашей!

Нам швырнули наши «беретты» и старые, пахнущие густой оружейной смазкой АК. Сверху, прямо на гранит плат-

формы, с влажным шлепком рухнуло что-то бледное, длинное и склизкое. Тот самый «вертикальный рот» Прыгуна пульсировал, обнажая ряды черных игл. Бойня в Москве началась.

На станции воцарилась тяжелая, липкая и нехорошая тишина, нарушаемая лишь треском догорающего факела. Запах пороха, который выедал глаза, смешался с невыносимой вонью паленой, чуждой органики. Я сидел на холодном полу, прислонившись спиной к колонне, чувствуя, как её гранит высасывает из меня остатки тепла. Мои руки мелко тряслись — адреналин уходил, оставляя после себя лишь свинцовую, парализующую усталость.

Буров подошел ко мне. На его щеке добавилась свежая царапина, из которой сочилась кровь, но его глаза оставались холодными и стальными. Он посмотрел на разорванное, изрешеченное пулями тело Прыгуна, которое еще подергивалось у моих ног, а потом перевел взгляд на меня. — Risky, King. Мог убить нас обоих этим маневром с гранатой, — произнес он на своем ломаном английском. — In Marines... we call it Plan B, — прохрипел я, стирая с лица черную, маслянистую слизь существа. — Когда всё остальное летит к чертям, мы просто взрываем всё вокруг.

Буров протянул мне руку. Его хватка была железной, сухой и надежной. — Kolya! Losses? — рявкнул он, не оборачиваясь. — Два наших... пять гражданских в блоке «В», — Коля стоял над телами, его лицо было маской ярости. —

Твой Сэм ранен в плечо, но жить будет. Рауль... Рауль чистит свои ботинки от этой дряни и матерится на трех языках сразу. Кажется, он в порядке.

Я оглянулся. Сэм сидел на ящике из-под патронов, пока пожилая женщина в черном платке быстро и умело перебинтовывала ему плечо. — King, — Сэм слабо, криво улыбнулся мне. — Скажи им, что мне не нужны бинты. Мне нужна чертова сигара. И побольше этого их «спирта».

Буров внезапно достал из кармана сплюсненную пачку «Беломора». Он ловко прикурил одну, выпустив струю едкого дыма, и протянул следующую мне. — Russian death in paper tube. Попробуй. Помогает забыть запах этих тварей.

Я затянулся. Дым был невероятно ядреным, он буквально выдирает легкие, но он странным образом успокаивал, заземлял. — Listen, — Буров обвел тяжелым взглядом притихшую станцию. — Порталы открываются всё чаще. Твари становятся умнее. Тот Прыгун... это был не просто охотник. Это был разведчик. Они знают, что мы здесь. Они чувствуют вибрации.

Он прищурился, глядя на мои ладони, на которых лазурные вены всё еще подрагивали. — Ты спрашиваешь, почему вы здесь? Почему портал выплюнул вас именно в Москву? Наши ученые в «Секторе Зеро» говорят, что ваш Коллайдер изменил частоту всей планеты. И вы трое... вы не просто выжившие строители. Вы — «beacons». Маяки. Вы пропитаны этой дрянью насквозь. Вы резонируете с ними.

Я посмотрел на свои руки. В тусклом, тревожном красном свете аварийных ламп мне показалось — или я действительно увидел, — как под кожей на мгновение промелькнула отчетливая, злая лазурная искра. Мы не просто убежали от Роя. Мы принесли его ритм с собой.

Мы шли по платформе под тяжелыми, колючими и полными ненависти взглядами тех, кто выжил. Женщины еще сильнее прижимали к себе детей, мужчины в тени колонн крепче сжимали самодельные пики из арматуры. — Because of them... — доносилось из темноты на русском, но интонация была понятна без перевода. — Притащили хвост из ада на нашу голову.

Буров шел впереди, полностью игнорируя этот шепот. — Don't look at them, King, — бросил он, не оборачиваясь. — Люди напуганы. А напуганным людям всегда нужен кто-то, кого можно ненавидеть. Сейчас это вы. Завтра это будет кто-то другой.

Он вел нас к массивной, покрытой слоями старой краски гермодвери в конце тупика. На ней краской по трафарету было выведено: «Спецобъект. Сектор Зеро». За дверью нас ждал другой мир. Если на станции царил хаос и грязь, то здесь воздух был стерильным, сухим и пах озоном, но не тем «живым» озоном Роя, а техническим, от мощных фильтров.

Нас встретил профессор Савельев — маленький, сутулый человек в мятом халате с дрожащими руками. Он не стал представляться. Он просто подошел и поднес к моей ладо-

ни странный прибор, похожий на счетчик Гейгера, но с кристаллическим наконечником. Как только датчик оказался в паре дюймов от моей кожи, прибор взвыл пронзительным, режущим уши звуком.

Савельев поправил очки, его глаза за толстыми линзами расширились от научного восторга, смешанного с ужасом. — You are part of the resonance, King, — прошептал он на вполне приличном английском. — «Аид» в Тихом океане и то, что вы называете «Источником» в Нью-Джерси — это два полюса одной цепи. А вы... вы электрон между ними. Ваша кровь вибрирует на той же частоте, что и их порталы. Вы — камертон катастрофы.

Савельев обернулся к Бурову, его голос стал резким: — Майор, их нельзя оставлять здесь, на «Охотном ряду». Рой выгрызет их из бетона вместе со всей нашей станцией. Они для тварей как прожектор в ночном лесу. Они — маяк в океане.

Буров помрачнел, его челюсти сжались так, что заходили желваки. — I won't throw you to the monsters yet, King. Вы слишком дорогой ресурс, чтобы просто скормить вас Рою, — он подошел к столу и ткнул пальцем в пожелтевшую карту Москвы. — Но Савельев прав. Здесь вы — мишень. Есть работа.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде я прочитал начало нашего нового похода. — Tomorrow at dawn. Завтра на рассвете мы выходим на поверхность. В мертвый

город. Нам нужно то, что поможет нам понять, как выключить ваш чертов «маяк», пока он не сжег нас всех.

Мы выбирались на поверхность через узкую, пропахшую ржавчиной и крысиным пометом вентиляционную шахту, которая вела в один из старых дворов-колодцев в районе Тверской. Ледяной воздух Москвы после стерильной атмосферы «Сектора Зеро» показался мне живым, но этот привкус был обманчив. Когда я наконец вылез на четвереньки из бетонного короба, я замер, не в силах подняться.

Москва была серой. Это не был тот привычный городской туман или смог, к которому я привык в Нью-Джерси. Город был погребен под густым, рыхлым слоем пепла. Он лежал на крышах брошенных «Лад» и «Мерседесов», он забивал водостоки, он висел в воздухе тонкими, едва заметными хлопьями. Это был пепел сожженной цивилизации, перемешанный с чем-то биологическим — останками тех, кто не успел превратиться.

Кремлевские звезды на горизонте, когда-то горевшие рубиновым светом и символизировавшие мощь империи, теперь казались мертвыми, остывшими угольками в глазницах гигантского черепа. Тишина была такой абсолютной, что хруст пепла под моим сапогом прозвучал как выстрел.

— Quiet... — Буров железной хваткой вцепился в моё плечо, пригибая к земле. Его лицо, скрытое под маской, было сосредоточенным. — Day they sleep in shadows. Внутри зданий, в подвалах, там, где нет прямого света. Но любой

громкий звук, Кинг... любой лишний шум вызывает «Волну». And nobody survives The Wave.

Я посмотрел на Сэма и Рауля. Мои парни, привыкшие к бетонным джунглям Бруклина, теперь выглядели как призраки. Рауль нервно крестился, глядя на пустые глазницы окон пятиэтажек, из которых, казалось, за нами наблюдали тысячи невидимых глаз. — Это похоже на кладбище, — прошептал Сэм, поправляя лямку рюкзака. — Только на кладбище обычно спокойнее. А здесь... здесь воздух вибрирует.

Он был прав. Воздух в Москве дрожал. Это была та же низкая частота, что я чувствовал в метро, но здесь она была масштабнее. Мой «зуд» в костях превратился в тихий, ровный гул. Лазурные нити на моих руках под камуфляжем едва заметно светились, резонируя с мертвым городом. Я чувствовал Москву как огромный, сломанный механизм, который всё еще пытается провернуть свои ржавые шестерни.

Мы двинулись вдоль стен, стараясь не выходить на открытые пространства. Каждый шаг по пеплу поднимал маленькое облако пыли. Мы проходили мимо детских площадок, где качели застыли в неестественных позах, мимо витрин дорогих бутиков, за которыми теперь копошилась серая плесень Роя. Москва не просто умерла — она переваривалась. И мы были единственными живыми клетками в этом разлагающемся организме. Буров вел нас с пугающей уверенностью, словно он знал каждый камень в этом лабиринте смерти. Он не просто выживал, он охотился. И целью его охоты

было нечто большее, чем просто еда или медикаменты.

До легендарного здания на Петровке, 38 мы добирались почти час, хотя в нормальное время это заняло бы десять минут неспешным шагом. Но в Мертвой Москве время и расстояние стали переменными величинами. Нам приходилось замирать на несколько минут, когда из-за угла доносилось странное скрежетание, или обходить целые кварталы, затянутые густой сетью лазурной паутины.

В самом отделении милиции на Петровке стояла гробовая, пыльная тишина, от которой закладывало уши. Мы вошли через черный ход, разбивая стекло, которое осыпалось с тонким, хрустальным звоном. Внутри здание напоминало декорации к фильму ужасов: разбросанные по полу рапорты, перевернутые столы и засохшие бурые пятна на стенах, которые уже начали прорасти черным мхом Роя.

Мы пробились к оружейной комнате. Массивная стальная дверь была заперта, но для парней из Нью-Джерси, которые полжизни провели на стройках, это не было преградой. Рэуль нашел тяжелую кувалду в каптерке, и через несколько минут оглушительных ударов, от которых у нас ныли зубы, замок сдался.

Внутри пахло ружейным маслом, холодным металлом и порохом — лучшим парфюмом для этого мира. Сэм, чей взгляд в последние часы был потухшим, впервые довольно осканился. Он отбросил свою побитую М4 и схватил новенький, пахнущий заводской смазкой пистолет-пулемет «Ви-

тязь». — Наконец-то нормальный калибр для этих узких коридоров, — пробормотал он, ловко проверяя затвор. — С этим дерьмом я чувствую себя гораздо увереннее.

Мы начали лихорадочно набивать рюкзаки гранатами Ф-1, цинками с патронами и дымовыми шашками. Рауль нашел несколько бронежилетов пятого класса и быстро переоделся, кряхтя от веса. Мы понимали: это оружие — наш единственный шанс прожить еще хотя бы час на поверхности. В этом городе патроны были ценнее золота, а граната была единственным способом вежливо попрощаться с Роем.

— Кинг, бери этот АК-12, — Буров бросил мне автомат. — Твоя «Беретта» хороша для Голливуда, а здесь тебе нужно пробивать хитин. И бери побольше магазинов. Когда начнется Волна, у тебя не будет времени на перезарядку.

Я взял автомат, чувствуя его тяжесть. Металл был холодным и надежным. В этот момент я почувствовал странное единство с этим местом. Я был морпехом США, стоящим в центре Москвы, вооруженным российским автоматом, готовясь защищать свою жизнь бок о бок с человеком, которого мои инструкторы в Куантико называли бы «вероятным противником». Но здесь, в пепле Петровки, все эти границы стерлись. Был только Рой, и были мы. И Рою было плевать, на каком языке мы молимся перед смертью.

Пока парни снаряжались, азартно обмениваясь короткими фразами о достоинствах нового оружия, я отошел к столу дежурного. Там, под слоем пепла и битого стекла, лежа-

ла развернутая карта Москвы. Она была вся испещрена пометками красным карандашом, но моё внимание привлекло одно: все стрелки, все маршруты эвакуации, которые так и не состоялись, сходились в одной точке — в самом центре, в Кремле.

— Major, — позвал я, не отрывая взгляда от карты. — Ты ведешь нас к Кремлю. Зачем? Мы поредели, у нас раненые. Нам нужны медикаменты и еда, а не экскурсия в замок. Почему мы не идем к окраинам, прочь из этого пепла?

Буров подошел вплотную. Он не злился, он просто смотрел на меня, и его лицо было похоже на неподвижную маску древнего воина. Он достал помятую папиросу, прикурил её от Zipro Сэма и глубоко затянулся. — В Кремле есть то, что важнее еды, Кинг. Там находится архив спецобъектов. Отчеты из восьмидесятых. Секретный проект, который сорок лет назад назывался «The Deep Well» — Глубокий Колодец.

Он сделал долгую паузу, вглядываясь в меня так, будто пытался прочитывать мои мысли через кости черепа. — Сорок лет назад, на севере, они тоже слышали этот «зуд», — Буров выпустил струю едкого дыма прямо мне в лицо. — На глубине двенадцати тысяч метров датчики записали звуки, которые ученые приняли за движение тектонических плит. Но это был не гранит. Это был первый «хлюп». Первая трещина в защите земли.

Я замер, чувствуя, как сердце пропустило удар. В голове, словно вспышка магния, всплыла та самая пожелтевшая тет-

радь отца и жирно выведенное число: «12 262». Число, которое я считал бредом старика. — Зачем ты рассказываешь мне это сейчас? — мой голос прозвучал глухо. — Потому что, — Буров наклонился ближе, — человек, который первым записал эти «голоса из бездны», который понял, что мы разбудили нечто голодное... он исчез. Сбежал через границу, забрав с собой все расчеты и единственный ключ к частотам. Мы думали, он погиб. Но теперь я вижу тебя, Кинг. Вижу твои руки. Вижу, как ты резонируешь с этим адом.

Он замолчал на секунду, давая мне осознать масштаб катастрофы. — Нам нужны эти данные. Нам нужно знать, что он нашел там, внизу, прежде чем залить скважину бетоном и сбежать. Нам нужно понять, почему Рой выбрал именно твою кровь как маяк.

Я сжал автомат так сильно, что костяшки пальцев побелели. Буров не назвал имени. Он не сказал: «Твой отец, Анатолий Кингисепп». Но холод внутри меня стал почти осязаемым. Вся моя жизнь, от гаража в Нью-Джерси до пепла Москвы, оказалась одной долгой дорогой к этой дыре в земле. — Move, — отрезал Буров, разворачиваясь к выходу. — Время уходит. И если мы не доберемся до архива сегодня, завтра отвечать на вопросы будет некому.

Мы вышли из участка. Небо над Москвой стало еще темнее, а вибрация в воздухе усилилась. Код «12 262» перестал быть цифрой. Он стал приговором. И я был единственным, кто мог его исполнить.

Красная площадь встретила нас мертвым, звенящим безмолвием, от которого закладывало уши сильнее, чем от разрывов гранат. Ветер, ледяной и насквозь пропитанный запахом ржавчины и старой крови, гонял по серой, заваленной пеплом брусчатке обрывки пожелтевших газет и пустые бутылки. Эти осколки прежней жизни с сухим, костяным стуком бились о камни, словно чей-то скелет пытался выбраться из-под мостовой. Мы прошли сквозь Боровицкие ворота, и ощущение было такое, будто мы переступили порог гигантского гранитного склепа, где время замерло в момент своего окончательного краха.

Внутри Кремль казался огромным кладбищем бывшего величия. Золотые купола соборов, которые веками слепили глаза своим блеском, теперь потускнели под маслянистым, липким налетом Завесы. Тишина здесь была иной — плотнее, гуще и ядовитее, чем на Тверской. Она буквально давила на грудь многотонным прессом, заставляя нас дышать через раз, короткими и осторожными глотками, чтобы не нарушить покой этого каменного монстра. Каждый раз, когда подошва моего сапога касалась камня, мне казалось, что я бью по живому нерву.

Я шел, вскинув винтовку и до боли сжимая цевье, чувствуя, как каждый мой шаг отдается в позвоночнике странным, вибрирующим эхом. Буров двигался впереди. Его силуэт в поношенной, выгоревшей «горке» почти полностью сливался с глубокими тенями крепостных стен. Он не шел

— он скользил, как призрак. — Не расслабляться, Кинг, — процедил он сквозь зубы, не опуская ствола АК. Его голос был тихим, но отчетливым, как щелчок предохранителя. — Здесь стены имеют уши. И эти уши сейчас явно не человеческие. Этот древний камень впитал слишком много крови и боли за последние пятьсот лет, а теперь Рой использует его структуру как гигантский резонатор. Мы здесь не почетные гости, а инородные тела, вызывающие воспаление. Мы здесь — раздражитель.

Я посмотрел на Царь-пушку, которая теперь была оплетена сизыми жилами Роя, похожими на вздувшиеся вены покойника. Рауль перекрестился, проходя мимо Архангельского собора. Страх здесь не был острым — он был хроническим, пропитывающим саму ткань реальности. Кремль переваривал историю, превращая её в строительный материал для чего-то нового и ужасного. И мы были единственными, кто всё ещё пытался держаться за старые смыслы в этом месте, где камни начали дышать в унисон с бездной.

Мы спустились в глубокие, многоуровневые подвалы одного из массивных административных корпусов. Воздух здесь мгновенно изменился. Он стал неподвижным, сухим и тяжелым, как в неразграбленных гробницах фараонов. Лампочки наших фонарей выхватывали узкие коридоры, облицованные старой пожелтевшей плиткой, которая местами потрескалась и вывалилась от постоянных подземных вибраций. Под нашими ногами хрустел мелкий крошево — бе-

тонная пыль, осыпавшаяся со сводов.

За массивной стальной дверью с тремя степенями защиты, которую Буров вскрыл с помощью своего спецключа и длинной серии тяжелых, сочных русских матов, мы нашли то, что искали. Это был Спецхран №4 — место, о существовании которого знали единицы даже в лучшие времена.

Внутри стояли бесконечные, уходящие во тьму ряды стеллажей. Они были забиты архивными папками, перетянутыми грубой бечевкой, с грифом «Хранить вечно». Запах старой бумаги, сургуча и многолетней пыли здесь был настолько сильным, что у меня начало нестерпимо щекотать в носу. Я выхватил одну из папок, на которой стоял синий штамп «1984 год», и начал лихорадочно листать пожелтевшие, ломкие страницы. Мои руки дрожали так, что бумага жалобно шуршала.

Когда я наткнулся на серию зернистых микрофотографий образцов породы, поднятых со скважины СГ-3, у меня подкосились ноги. — Ребята... Сэм, Рауль, смотрите на это, — мой голос сорвался на хриплый шепот, который гулко разнесся по тишине архива. — Посмотрите на эти кристаллы. Те же самые фрактальные структуры, та же жуткая геометрия, что мы видели в Атлантик-Сити. В глазах у тех тварей на побережье Нью-Джерси.

Я ткнул пальцем в снимок сорокалетней давности. Лазурные прожилки на камне, поднятом с глубины в двенадцать километров, смотрели на нас как живые. Советские ученые

нашли это сорок лет назад под Мурманском. Они нашли семена Роя задолго до того, как мы в США решили, что открыли новый источник энергии. Весь мир всё это время жил на пороховой бочке, фитиль к которой был подожжен еще до нашего рождения. Архив хранил не просто бумаги — он хранил свидетельство нашего общего, коллективного самоубийства.

Буров буквально вырвал у меня из рук лист с машинописной расшифровкой аудиозаписей, сделанных на предельной глубине. Его глаза быстро и жадно бегали по строчкам, а губы беззвучно шевелились, повторяя сухие, казенные слова советских отчетов, за которыми скрывался чистый первобытный ужас. Сэм подошел ближе, светя фонариком на страницу, и я увидел, как коптится пламя в его глазах.

— «Объект СГ-3. На глубине 12 000 метров зафиксированы акустические аномалии, напоминающие коллективный разумный стрекот», — читал Буров вслух, и каждое слово падало в мертвую тишину архива как тяжелый кусок свинца. — «Температура среды растет нелинейно. Риск биологического прорыва оценивается как критический. Рекомендация: экстренная консервация объекта с использованием многослойного бетонирования и закачки жидкого азота в ствол скважины».

— Они знали... Господи, они всё знали! — прошептал Сэм, нервно потирая рукоять своего «Витязя» и испуганно оглядываясь в темноту бесконечных проходов между стел-

лажами. — Они наткнулись на это дерьмо еще до того, как мы пошли в первый класс. И они просто решили залить его бетоном, надеясь, что оно никогда не проснется. Как будто можно просто заклеить пластырем рану на теле планеты!

— Не просто наткнулись, Сэм, — Буров медленно перевернул страницу, и его лицо потемнело, став похожим на грозовую тучу. — Скважина была зондом. Понимаете? Они не случайно туда попали. Они пытались достучаться до этого «Источника» снизу. Им нужна была эта сила. Но тогда, в 84-м, у них не было «Аида» в Тихом океане, чтобы создать резонанс и пробить барьер полностью. А у вас, американцев, сорок лет спустя он был. Мы сами, своими руками, дали Рою ключ, когда начали ковырять землю с двух сторон одновременно. Мы создали идеальный канал связи.

Я слушал его и чувствовал, как внутри меня что-то обрывается. Тетрадь моего отца была не дневником безумца, а дневником свидетеля конца света. Код «12 262» был не паролем, а глубиной, на которой человечество совершило свой последний, роковой прыжок в бездну. Мы были не первооткрывателями — мы были взломщиками, которые наконец-то открыли сейф, внутри которого не было ничего, кроме пустоты, жаждущей заполнить наш мир.

В этот момент, когда правда наконец выплыла на поверхность, пол под нашими ногами ощутимо и страшно вздрогнул. Вибрация была настолько мощной, что у меня заныли зубы, а в голове возник резкий, ультразвуковой свист. Ста-

рые, перегруженные бумагами стеллажи жалобно и протяжно заскрипели, с потолка посыпалась едкая, сухая штукатурка, забивая нам глаза и легкие.

Из самой глубины архива, из той непроглядной, вековой темноты, куда не доставали наши фонари, донеслось знакомое бульканье. Но теперь это не был вкрадчивый, робкий шепот разведчика. Звук стал мощным, утробным, захлебывающимся и резонирующим. Казалось, само монументальное здание Сената наверху вдруг ожило и начало тяжело, натужно дышать всем своим каменным телом.

Лазурные нити на моих руках вспыхнули так ярко, что свет пробился сквозь плотную ткань моей тактической куртки, заливая подвал мертвенно-голубым, призрачным сиянием. Я почувствовал этот звук каждой клеткой своего тела, каждым нервом. Он проникал в кости, заставляя их вибрировать в унисон с бездной, которая ворочалась прямо под Кремлем. Это был не просто шум — это был зов. Требовательный, беспощадный и лишенный всякой жалости.

— Они здесь, — Буров вскинул автомат, привычным движением щелкнув предохранителем. Его лицо в лазурном свете моих рук казалось маской покойника. — И, кажется, они очень не хотят, чтобы мы дочитали этот отчет до конца. Мы потревожили святилище.

Из темноты между полками на нас смотрели десятки, а затем и сотни светящихся лазурных точек. Они зажигались парами, как огни в аду. В этом коллективном взгляде не было

ярости, не было ненависти — в нем была лишь холодная, математическая логика очистки территории от инородных организмов. Мы нашли правду, но теперь правда пришла, чтобы забрать нас. Воздух в архиве стал густым и наэлектризованным, волосы на затылке встали дыбом. Мы больше не были охотниками. Мы были загнанной добычей в самом центре мертвой империи.

Из густой тени между стеллажами начали медленно и плавно отделяться массивные, пугающие фигуры. Это были не те мелкие и дерганные адаптанты, которых мы привыкли видеть на платформе «Охотного ряда». Эти существа были крупнее, мощнее, их кожа казалась угольно-черной и лоснилась, как мокрый камень в свете луны. Они были «охраной» — высшей кастой Роя, созданной для защиты критических узлов связи.

Их вертикальные рты не хлюпали — они издавали сухой, вибрирующий звук, от которого у меня закладывало уши и темнело в глазах. Словно тысячи цикад запели в моей голове одновременно. — Назад к выходу! Держать дистанцию! — заорал я, первым открывая огонь. Грохот выстрелов в замкнутом пространстве архива был оглушительным. — Сэм, Рауль, забирайте папки! Всё, что с пометкой СГ-3! Живо!

Мы начали методично отступать к лестнице, поливая свинцом пространство между полками. Пули рвали бумагу, пожелтевшие листы из «Особой папки» разлетались во все стороны под ударами очередей, кружась в воздухе как белые

крылья мертвых птиц. Архив, хранивший тайну сорок лет, на глазах превращался в зону кровавой, безнадежной бойни.

Буров прижал папку к груди под бронежилет, одной рукой короткими, расчетливыми очередями отсекая очередную тварь, которая пыталась перерезать нам путь. Существо рухнуло, обливая бесценные документы черной, дымящейся жижей. — Кинг, если мы не вынесем эти записи, Кольская так и останется нашей общей могилой! — прокричал майор, стараясь перекрыть грохот боя и ультразвук визг Хозяев Кремля. — Бегом к Боровицким воротам! Не останавливаться! Если нас зажмут в этих подвалах, мир никогда не узнает правду о «Голосе Глубины»! Мы — свидетели конца, но мы обязаны стать началом сопротивления!

Мы ворвались на лестницу, чувствуя, как за нашими спинами схлопывается тьма. Кремль не хотел нас отпускать. Он пробовал нас на вкус, и этот вкус ему явно не нравился. Но в моих руках был Код, а в сердце — ярость строителя, чей мир был разрушен до основания. Мы пробивались к свету, не зная, что снаружи нас ждет еще большая тьма.

В бесконечных подземельях Кремля резонанс усилился до предела, превращая узкие архивные коридоры в гудящую, смертоносную ловушку. Это не был просто звук — это была физическая волна, которая дробила кости и выворачивала суставы. Мои руки начали светиться ослепительным, пульсирующим голубым светом, который теперь жил своей собственной жизнью. Он отбивал яростный, лихора-

дочный ритм в такт тяжелым подземным толчкам, сотрясавшим фундаменты древней крепости. С каждым ударом этого невидимого, колоссального сердца боль в моих костях становилась острее, превращаясь в чистую агонию, будто кто-то методично и безжалостно выжигал мои нервные окончания лазером прямо под кожей.

Я едва удерживал винтовку скользкими от черной слизи пальцами. Мне казалось, что лазурная энергия внутри меня стала настолько плотной, что она вот-вот прорвется наружу сквозь поры, превращая мою плоть в светящиеся лоскуты.

— Нас здесь зажмут, Кинг! — крикнул Сэм, перекрывая грохот боя. Он стоял на колене, отсекая короткими, экономными очередями стремительные тени, которые отделялись от стеллажей. — Ты работаешь как гребаный маяк в ночи! Ты горишь всё ярче, Джон! Они прут на твой свет со всего города, как насекомые на раскаленную лампу! Мы для них — главный приз!

Буров с силой захлопнул папку с документами, едва не порвав пожелтевшие страницы, и судорожно втиснул её под бронежилет. Его лицо, обычно каменное, теперь было бледным от предельного напряжения, а в глазах, отражающих мой лазурный свет, читалась холодная ярость. — Здесь только половина данных, Кинг! — прорычал он, перезаряжая автомат. — Сводки, общие отчеты... Основные архивы по проекту «СГ-3» — расчеты частот, графики подавления, записи того, как именно они «глушили» ту тварь в восемьдесят чет-

вертом — всё это осталось на самой станции в Мурманской области. Там был эпицентр.

Майор схватил меня за плечо, и я почувствовал, как его рука дрожит от вибрации, исходящей от моего тела. — Если мы хотим исправить то, что ваш «Аид» натворил в океане, нам нужно на Север. К самому истоку заразы. Туда, где эта дыра еще не успела разрастись до размеров континента. Двигаем к выходу, пока Кремль не стал нашей братской могилой!

Мы рванули по коридору, и я чувствовал, как стены архитектуры дышат нам в спину. Я был не просто солдатом — я был частотой, которую Рой жаждал поглотить. Моя кровь превратилась в жидкий неон, и каждый шаг давался мне так, словно я продирался сквозь густой кисель. Мы были «раздражителем», и иммунная система этого места уже мобилизовала всё, чтобы нас уничтожить.

Мы пробились к выходу из Кремля, буквально выгрызая каждый метр пути. Когда патроны были на исходе, мы использовали последние светозвуковые гранаты. Ослепительный белый магниевый огонь на мгновение выжигал сетчатку черным тварям, давая нам те драгоценные пять-шесть секунд, чтобы совершить рывок через открытую площадь к вентиляционной шахте. Мы бежали по пеплу, не оглядываясь, чувствуя, как за спиной захлопывается тьма.

Но когда мы — измотанные, покрытые вонючей черной слизью и пороховой гарью, с гудящими от ультразвука голо-

вами — наконец вернулись на родную станцию «Охотный ряд», нас ждала не радостная встреча соратников и не горячая еда. Нас ждали холодные, безжалостные стволы своих же людей.

Прямо на платформе, за импровизированной баррикадой из мешков с песком и бетонных блоков, стоял плотный вооруженный заслон. Десятки стволов смотрели нам в грудь. — Стоять! Ни шагу дальше, Кинг! — выкрикнул Коля. Он стоял в центре, преграждая нам единственный путь к жилым секторам и карантину. Его автомат АК заметно дрожал в руках, но взгляд был решительным и, что самое страшное, полным беспросветного страха. — Уходите отсюда! Пока не поздно!

— Коля, ты что, белены объелся? — прохрипел я, опуская винтовку. — Это мы, 76-й! Мы вернулись! — Профессор Савельев сказал правду! — Коля сорвался на крик, и его голос эхом разнесся по сводам станции. — Это вы притягиваете Рой! С тех пор как вы трое здесь появились, нападения идут каждые три часа! Мы не успеваем выносить трупы! Мы захлебываемся кровью из-за вашей «особенности», американец! Вы прокляты, и вы тащите это проклятие в наш дом!

— Коля, остынь, малый, — Буров сделал медленный, тяжелый шаг вперед, опуская ствол автомата к полу в знак того, что он не собирается стрелять в своих. — Мы принесли данные. Мы нашли зацепку. Мы нашли способ всё это остановить, понимаешь? Мы не враги вашим женам и детям. Мы

— единственные, кто может дать им шанс дожить до осени.

Но заслон не шелохнулся. Солдаты, с которыми мы еще вчера делили одну миску гречки, смотрели на нас как на зачумленных. Страх перед неизвестным оказался сильнее воинского братства. Нас вычеркнули из списка живых еще до того, как мы успели пересечь черту платформы.

Коля не опустил автомат, наоборот, он прижал приклад плотнее к плечу, его палец побелел на спусковом крючке. Я видел, как капля пота катится по его виску. За его спиной, в глубокой, вязкой тени массивной гранитной колонны, я увидел фигуру профессора Савельева. Он стоял неподвижно, поправляя свои очки в тонкой оправе, и в его взгляде за толстыми линзами не было ни капли сочувствия или человеческого сомнения. Там был только холодный, сухой математический расчет человека, который привык оперировать цифрами и вероятностями, а не живыми людьми.

— Майор Буров, мы вас уважаем, вы наш командир и наш единственный защитник все эти месяцы, — голос Коли дрожал, сорвавшись на высокий, почти истеричный крик. — Но они... посмотрите на них! Посмотрите на Кинга! Разве это человек? Они уже не люди в нашем понимании. Савельев говорит, что они — детонаторы! Биологические бомбы замедленного действия!

Коля указал стволом на мои руки, которые в полумраке станции горели ровным, жутким лазурным светом. — Пока они находятся внутри защитного периметра станции, «Охот-

ный ряд» — это просто мишень для Роя! Мы подсвечены для них, как рождественская елка! Мы не можем так рисковать нашими женщинами и детьми ради трех залетных американцев, чье прошлое покрыто мраком и секретами их сумасшедших отцов! Уходите, майор, или нам придется выполнить приказ комитета выживания.

— Мы не просто американцы, Коля! — рявкнул Рауль, делая яростный шаг вперед. Его лицо покраснело от гнева. — Мы те, кто прошел сквозь ад портала и Бруклинского моста, чтобы принести вам единственный шанс на спасение! Мы притащили вам документы, за которые в Кремле умирали люди! Вы что, ослепли от страха?!

Сэм железной хваткой придержал Рауля за плечо, не давая ему спровоцировать бойню. Мы стояли на грани гражданской войны внутри последнего убежища. Десять секунд отделяли нас от того, чтобы начать стрелять друг в друга. Савельев в тени продолжал наблюдать, и мне казалось, что он уже списал нас всех со счетов. Для него мы были всего лишь переменными в уравнении, которое он не мог решить.

Конфликт, который должен был разрешиться свинцом и кровью, был прерван самой планетой. Это произошло внезапно и настолько страшно, что у нас не осталось времени на споры. Мощный, утробный удар пришел снизу, из самой глубины земли. Он был такой силы, что люди на платформе повалились с ног, а пустые стреляные гильзы на полу подпрыгнули на фут вверх. Звук удара был похож на хлопок ло-

пающего гигантского паруса.

Затем раздался жуткий, леденящий душу скрежет. Тяжелые гранитные плиты в самом центре платформы «Охотного ряда», которые казались вечными, треснули, как тонкий лед. Из образовавшейся рваной щели начал медленно и густо сочиться маслянистый черный дым, пахнувший серой, озоном и гнилой морской водой.

Люди вокруг закричали. Та хрупкая дисциплина, которую Буров выстраивал два месяца железной рукой, мгновенно испарилась, сменившись первобытной, животной паникой. Гражданские бросились вглубь туннелей, давя друг друга. — Видишь?! — снова заорал Коля, пытаясь подняться на колени и указывая дрожащей рукой на разлом в полу. — Видишь, что ты наделал, Кинг?! Они уже лезут прямо из-под земли! Твой проклятый «маяк» прожег нам пол, как концентрированная кислота! Вы пробили нашу последнюю защиту!

Из разлома донеслось то самое хлюпанье, но теперь оно было усилено акустикой пустых туннелей. Рой не просто шел — он вскрывал станцию, как консервную банку. — Из-за вас мы все превратимся в корм для этих тварей прямо здесь, в своих постелях! — Коля вскинул автомат, его глаза были полны безумия. — Буров, если ты не уведешь их в эту секунду, я нажму на спуск! Клянусь всеми святыми, я лучше пристрелю вас, чем дам им войти!

Я смотрел, как из щели в граните начинают показываться первые черные жвалы. Савельев из своей тени медленно по-

пятился назад, исчезая в проходе «Сектора Зеро». Он получил свои данные. Теперь мы были ему не нужны. Мы были отработанным материалом.

Буров посмотрел на меня, потом на своих перепуганных, обезумевших от страха людей, которые в ужасе пятились от растущего разлома, и наконец — на Колю. В его стальных глазах больше не было сомнений или колебаний. Он понял, что станция обречена, и единственное, что он может сделать — это спасти миссию.

— Мы уходим, — твердо и холодно произнес майор, и его голос странным образом перекрыл шум паники и треск ломающегося гранита. — Но не потому, что ты нас прогнал, Коля. А потому, что это единственный шанс действительно всё закончить. Если мы останемся здесь и будем доказывать свою правоту, вы все действительно сдохнете в ближайшие десять минут. И эта кровь будет на твоих руках.

Он резко развернулся к своим бойцам у тупика станции. — Дай нам дрезину на северный выход! Живо! Пока твари не перерезали пути окончательно и не захлопнули ловушку! Это приказ!

Коля замялся всего на секунду, его взгляд метался между Буровым и разломом, из которого уже повалили первые бледные конечности адаптантов. Наконец он резко махнул рукой бойцам у тупика. — Уходите! Забирайте их как можно дальше от Москвы! — тихо бросил он, отводя глаза. — Если выживете... не возвращайтесь.

Через минуту из глубокой темноты тупика выкатили тяжелую моторизованную дрезину — грудку железа, пахнущую старой соляжкой и густой смазкой. Мы запрыгнули на железную платформу. Буров с рывком завел старый дизельный двигатель, который чихнул и отозвался ровным, спасительным рокотом. Мы начали уходить в непроглядную темноту северных тоннелей, оставляя за спиной крики, вспышки выстрелов и последнее место на этой стороне планеты, которое мы могли бы, приложив усилие, назвать домом. Впереди была только неизвестность и восемьсот миль ледяной тундры.

Глава 8: Шереметьево. Последний взлет

Мы бросили наши бронемо­ты у терминала «D», и эхо за­тихающих двигателей еще долго, пугающе долго гуляло под высокими сводами эстакад, прежде чем окончательно раствориться в навалившейся тишине. Шереметьево встретило нас мертвой, звенящей пустотой, от которой физически за­кладывало уши, как при резком перепаде давления. Огромный аэропорт, когда-то пульсировавший жизнью, шумом сотен рейсов и гомоном тысяч туристов, теперь выглядел как колоссальный склеп из стекла и тусклой, подернутой инеем стали.

Десятки самолетов застыли у посадочных «рукавов», как выброшенные на берег гигантские мертвые киты. Их фюзеляжи, когда-то сиявшие ливреями мировых авиакомпаний, теперь покрылись слоем жирной копоти и того самого серого пепла, который стал визитной карточкой Мертвой Москвы.

Ветер свистел в разбитых панорамных окнах, создавая жуткую, заунывную мелодию, и гонял по залам ожидания обрывки посадочных талонов, забытые в спешке детские игрушки и пустые бутылки. Эти осколки цивилизации с сухим, костяным стуком бились о гляцевый гранитный пол, напоминая о том, как внезапно оборвалась привычная реальность.

Мы двигались плотной группой, стараясь не производить ни одного лишнего звука. Обувь гулко стучала по граниту, который за два месяца покрылся слоем пыли, удивительно напоминающей лунный грунт — такой же серый, мелкий и лишенный жизни. Буров шел впереди, ловко перемахивая через неработающие турникеты и не опуская ствола своего «Витязя». Каждое движение было отточено, каждый взгляд сканировал темные углы магазинов Duty Free, где вместо элитного алкоголя теперь могла скрываться смерть.

— Нам не нужны эти гражданские корыта, Кинг, — Буров бросил через плечо, кивнув на ряды замерших «Боингов» и «Аэрбасов». Его голос в этой пустоте звучал неестественно громко. — У них слишком нежные движки и капризная электроника, которая сходит с ума от малейшего электромагнитного всплеска. Нам нужен военно-транспортный борт или старый тяжелый джет с усиленной защитой. У них баки полнее, а системы дублированы по три раза. В условиях этой чертовой «Завесы», когда небо превратилось в ионизированный кисель, нам понадобится всё грубое железо, которое способно сопротивляться эфирному шторму. Нам ну-

жен самолет, который умеет летать даже тогда, когда физика против него.

Я посмотрел на Рауля. Он сжимал свой автомат так, что костяшки побелели. В его глазах отражались бесконечные ряды пустых кресел в зале ожидания. Мы все чувствовали себя здесь осквернителями могил. Аэропорт был памятником миру, который мы потеряли, и каждый наш шаг в этом стеклянном склепе приближал нас к моменту, когда нам придется либо взлететь, либо остаться здесь навсегда, став частью этой неподвижной выставки человеческого краха.

Мы нашли его на самом краю летного поля, в секторе, скрытом за массивными, побитыми осколками ангарами техобслуживания. Ан-26 — старая военная «рабочая лошадка» в блеклой камуфляжной окраске, которая видела еще пик холодной войны. Он стоял, чуть накренившись на левое шасси, словно раненый зверь, припавший на лапу, но фюзеляж выглядел целым. Никаких пробоин, никакой разъедающей лазурной коррозии Роя, только слой пыли и потеки масла на бетоне. Этот самолет был создан для грунтовых аэродромов и войны, а не для комфортных перелетов через Атлантику, и именно это делало его нашим единственным билетом на Север.

— Грузитесь! Живо, пока нас не засекли! — скомандовал я, занимая позицию у открытой задней ramпы. Внутри самолета было темно и пахло застарелым мазутом.

Пока Рауль, Сэм и остальные ребята из группы Бурова ли-

хорадочно затаскивали тяжелые ящики с патронами, цинки с 5.45 и тюки с сухпайками, мы с майором запрыгнули в кабину пилотов. Здесь царила атмосфера застывшего времени: ряды аналоговых приборов с облупившейся краской, тусклые рычаги и штурвалы. Внутри пахло старой кожей сидений, машинным маслом и той специфической авиационной пылью, которая десятилетиями впитывается в обивку и оживает только при вибрации двигателей.

— Кинг, ты уверен, что справишься с этой советской кувалдой? — Буров лихорадочно щелкал тумблерами на приборной панели, следуя моим коротким, лаконичным выкрикам. Его пальцы двигались быстро, но я видел, как напряжена его спина. — Я был техником-бортинженером в Морской пехоте, майор! — я с силой рванул рычаги подкачки топлива, чувствуя, как в магистралях просыпается жизнь. — В Бруклине, когда всё летело к чертям, я летал на всём, что имеет хоть какие-то крылья и не падает камнем сразу после отрыва! Принцип везде один: топливо, искра и вера в то, что подъемная сила сильнее гравитации.

Я чувствовал, как внутри машины просыпается спящая, древняя мощь. Аккумуляторы выдали слабый ток, приборы отозвались тусклым свечением ламп. — Главное, чтобы его старые советские «легкие» — эти движки АИ-24 — не забились сразу той эфирной дрянью, которую Рой выплюнул в атмосферу, — пробормотал я, молясь про себя всем богам механики. — Если фильтры выдержат первый рывок, мы про-

рвемся. Если нет — мы просто станем самой быстрой братской могилой в этом аэропорту. Пошел запуск правого!

Двигатели чихнули один раз, выбросив в неподвижный воздух Шереметьево облако сизого дыма, затем другой, и наконец, с оглушительным, натужным ревом, переходящим в пронзительный свист, начали вращать лопасти винтов. Звук работающих моторов в этой мертвой, вакуумной тишине аэропорта прозвучал как удар колокола, возвещающий о начале конца нашего пребывания в Москве. Это был вызов, брошенный Рою прямо в его разорванное небо.

Ответная реакция не заставила себя ждать ни на секунду. — Контакты! Сектор двенадцать! Движение со стороны парковки! — заорал Коля из открытой рампы, пытаясь перекричать нарастающий гул винтов. — Мать божья... их там сотни. Они выходят из терминала «D»!

Я выглянул в боковое окно кабины. Из разбитых проемов здания, с треском вышибая уцелевшие стекла, лавиной посыпались адаптанты. Это была не просто мелкая разведгруппа, с которой мы сталкивались в метро — это была настоящая, полномасштабная «волна» Роя, мобилизованная нашим шумом. Сотни бледных, лоснящихся тел, переплетаясь в жуткий клубок и давя друг друга в неистовстве, катились по бетону взлетной полосы, словно живой, плотоядный селевой поток.

Их вертикальные рты были раскрыты в безмолвном для человеческого уха, но физически ощутимом ультразвуко-

вом крике, от которого в кабине начали вибрировать стекла. Присоски на их деформированных лапах шлепали по бетону с таким ритмичным остервенением, что вибрация передавалась через стойки шасси прямо нам в ноги. Они неслись на перехват, инстинктивно понимая, что их «маяк» — этот лазурный зуд в моей крови — пытается вырваться из капкана и покинуть зону их досягаемости.

— Сэм, Рауль! Огонь на подавление! — прорычал Буров в рацию. — Кинг, давай тягу! Нам нужно пространство для разбега, иначе они налипнут на шасси и мы не оторвемся!

Самолет задрожал всем своим стальным телом. Я чувствовал, как винты вгрызаются в вязкий воздух, пытаюсь сдвинуть многотонную махину с места. Перед глазами плясали стрелки приборов, а на горизонте терминал «D» буквально изрыгал из себя всё новые и новые порции кошмара. Москва не хотела нас отпускать. Город тянул свои серые пепельные руки к нашим крыльям, пытаюсь удержать нас в своем вечном сне.

— Взлетаем! Кинг, жми до упора, они уже на бетоне! — загремел голос Сэма в моих наушниках, перекрываемый грохотом очередей. Сэм и бойцы Бурова открыли шквальный огонь из открытой рампы и боковых иллюминаторов. Яркие, злые трассеры 7.62 и 5.45 разрезали серое марево Шереметьево, вгрызаясь в плоть наступающей волны. Адаптанты лопались под градом пуль, заливая взлетную полосу черной, дымящейся жижей, но на их место мгновенно вставляли де-

сятки новых, ведомых единым, беспощадным коллективным разумом. Они не знали страха, у них была только цель.

Ан-26 тяжело вздрогнул, преодолевая инерцию покоя, и, медленно набирая скорость, начал разбег. Мы катились прямо на них, превращая самолет в стальной таран. Я видел, как лопасти винтов превращают первых добежавших существ в сизое крошево. Самолет подпрыгивал на неровностях и на телах тех тварей, что успели броситься под массивные колеса в суицидальной попытке заклинить шасси.

Фюзеляж содрогался от глухих ударов тел, которые разлетались в пыль под винтами, а по дюралюминиевой обшивке со скрежетом, от которого сводило зубы, проходили острые когти, оставляя глубокие борозды. — Еще немного... Ну же, старая девочка, не подведи нас сейчас! — я тянул штурвал на себя, чувствуя, как машина отчаянно сопротивляется плотному, перенасыщенному озоном и статикой воздуху. Атмосфера над аэропортом стала вязкой, словно само небо превратилось в клей, не желая выпускать нас из этой проклятой клетки.

— Скорость сто восемьдесят! Двести! — кричал Буров, следя за приборами. — Отрыв! Кинг, тяни!

Я рванул штурвал на себя до предела. Передняя стойка шасси с грохотом оторвалась от бетона. В этот момент один из адаптантов успел запрыгнуть на крыло, его лазурные глаза смотрели прямо на меня сквозь стекло кабины в упор, прежде чем его сдуло набегающим потоком воздуха прямо в

жерло работающего двигателя. Двигатель поперхнулся, выбросил столб пламени, но продолжил тянуть. Мы уходили в небо на честном слове и советской надежности, оставляя под собой кипящий котел из плоти и пепла.

Самолет окончательно оторвался от земли в тот самый момент, когда из тени огромного грузового ангара вынырнул «Сборщик» — десятиметровый многоногий кошмар, похожий на помесь паука и промышленного крана. Его длинные, сегментированные щупальца, покрытые острыми шипами, с глухим, сокрушительным ударом хлестнули по хвостовому оперению, едва не заклинив рули высоты и не отправив нас в смертельный штопор прямо на взлетку. Мы почувствовали резкий, пугающий толчок, который бросил нас на привязные ремни, в кабине что-то лопнуло со звоном, но Ан-26, взревев обоими движками в форсажном режиме, упорно продолжал набирать высоту.

Внизу осталась мертвая, окончательно побежденная Москва, окутанная ядовитой оранжевой дымкой Завесы. С высоты птичьего полета картина была еще более жуткой: было отчетливо видно, как тысячи и тысячи лазурных огней Роя пульсируют в руинах великого города, словно метастазы гигантской, светящейся опухоли, пожирающей остатки человеческой цивилизации. Москва больше не была городом — она была инкубатором.

Рампа медленно, с тяжелым гидравлическим стоном закрылась, отсекая ледяной заборный воздух и звуки бойни

на земле. В салоне воцарилась тяжелая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь ровным, басовитым и уверенным гулом моторов. Сэм и Рауль сидели на полу, прислонившись к ящикам, их лица были серыми от копоти и осознания того, что мы только что сделали. Мы бросили этот город. Мы бросили всех, кто остался в метро.

Восемь человек. Мешок пожелтевших документов из прошлого, которые могли оказаться ключом к спасению или окончательным приговором. И один призрачный, безумный шанс на спасение всего вида. Мы летели туда, где сорок лет назад мой отец — Анатолий Кингисепп — слышал крики из бездны. Те самые крики, которые сегодня стали похоронным маршем для всего человечества. Наш курс лежал строго на Север, к самой глубокой ране на теле Земли. В кабине Буров посмотрел на меня, вытирая кровь с разбитой брови, и молча кивнул. Мы были в воздухе. Но настоящая война только начиналась.

Мы летели уже более трех часов, прорываясь сквозь бесконечные, плотные слои облаков, которые на этой запредельной высоте напоминали не привычный водяной пар, а густую, застывшую и ядовитую ртуть. Завеса Источника здесь, в верхних слоях атмосферы, была еще плотнее, чем над землей. Она словно сгущалась, превращая небо в вязкий кисель, через который старый Ан-26 продирался с надрывным стоном. В кабине воцарился жутковатый полумрак, который теперь прорезало ослепительное синее сияние моих рук.

Оно перестало быть просто подкожным свечением. Оно стало настолько интенсивным, что подсвечивало приборную панель ярче штатных ламп, отражаясь в остеклении кабины мертвенно-голубыми, электрическими сполохами. Это свечение пульсировало в такт моему бешеному, учащенному пульсу, и я физически чувствовал, как кожа на предплечьях начинает гореть от избыточного напряжения, словно по моим венам пустили ток высокого напряжения.

— Кинг, мать твою, твои «вены» скоро сожгут нам сетчатку! — Буров щурился, прикрывая глаза ладонью и пытаюсь разглядеть хоть какой-то ориентир в этом ртутном мареве за бортом. — Ты фонишь так сильно, что стрелки компасов и радиовысотомеров просто сошли с ума. Они вращаются по кругу, как заведенные. Мы летим вслепую, ориентируясь только на гул твоих нервов.

Я не отвечал. Я не мог говорить. Я чувствовал, как эта энергия внутри меня резонирует с каждой заклепкой, с каждой лопастью винтов. Это была не просто мутация — это была прямая, симбиотическая связь с тем, что ждало нас впереди на Севере. Я слышал небо, и оно не было пустым. Оно было полно чужого, многоголосого шепота, который просачивался в мое сознание сквозь гул двигателей, обещая покой и вечность в обмен на полное подчинение. Каждая вспышка в моих жилах была откликом на этот зов. Я превращался в антенну, принимающую сигнал из самой преисподней, и этот сигнал медленно выжигал во мне всё человеческое, заменяя

мысли лазурным шумом.

Тишину в кабине, прерываемую лишь короткими, нервными щелчками переключателей, прервал звук, от которого у любого пилота кровь стынет в жилах — кашляющий, прерывистый ритм одного из двигателей. Буров несколько раз с силой постучал пальцем по треснувшему стеклу топливного датчика, надеясь, что это просто очередная электромагнитная помеха, но стрелка бессильно лежала на ограничителе, даже не думая дергаться.

— Топливо на нуле, Кинг, — констатировал майор, и в его обычно стальном голосе я впервые услышал нотку ледяного фатализма. — Мы не дотянем до Мурманска. Эти старые движки жрут обогащенную эфиром воздушную смесь слишком быстро. Расход втрое выше нормы, они перегреваются до предела. Мы выжали из этой лошадки всё, что могли.

Он замолчал на секунду, а затем указал на позеленевший экран метеорадара, который хаотично мигал, пытаясь выдать хоть какую-то картинку через сетку помех. — К тому же... Джон, посмотри сюда. Если эта древняя хрень вообще способна показывать правду в таких условиях.

На экране расплывалось огромное, аморфное пятно. Оно быстро меняло форму, пульсируя и растягиваясь. Оно не летело по законам аэродинамики, оно словно плыло в самом эфире, игнорируя сопротивление воздуха, и двигалось нам наперерез с пугающей точностью перехвата. — Это не погодное явление, Буров, — прошептал я, чувствуя, как лазур-

ный зуд в моих костях мгновенно превращается в ледяной, парализующий холод. — Это Охотник. Оно чувствует мой свет сквозь облака, как акула чувствует кровь за милю. Рой не хочет, чтобы мы доставили документы из Кремля на Кольскую. Мы — цель, и у нас только что кончились патроны в баках.

Оно вынырнуло из облаков сверху так внезапно, что мы даже не успели заложить вираж. Летающий адаптант колоссальных размеров — существо, напоминающее гигантского ската, скрещенного с доисторическим ящером. Его кожа, если это можно было назвать кожей, переливалась тем самым ртутным светом Завесы, а по краям крыльев, размах которых вдвое превышал длину нашего Ан-26, пробегали каскады фиолетовых разрядов статического электричества. У него не было видимых глаз — только один пульсирующий, ярко-синий узел в центре лба, который светился в унисон с моими руками. Это была симфония узнавания.

— Всем приготовиться к перегрузкам! У нас гость на двенадцати часах! — заорал Сэм по внутренней связи. Я слышал, как лязгнул затвор его пулемета в блистере, но мы оба понимали — это как стрелять из рогатки по линкору.

Но существо не стало атаковать физически. Оно не собиралось рвать нас когтями. Оно просто зависло над самолетом, синхронизировав свою скорость с нашей агонией. Оно открыло свою вертикальную пасть, и по фюзеляжу Ан-26 ударила направленная волна ультразвука такой чудовищной частоты, что заклепки в обшивке начали вылетать со звуком

пистолетных выстрелов.

Электроника в кабине сдохла мгновенно: свет погас, рацции захлебнулись мертвой статикой, а двигатели, издав последний предсмертный хрип и выбросив снопы искр из сопел, замолкли окончательно. Винты начали медленно, издевательски вращаться по инерции. Мы превратились в сорокатонный гроб, беззвучно падающий в бездну. В кабине повисла тишина, нарушаемая только моим участвовавшим дыханием и треском разрядов на крыльях Охотника, который продолжал парить над нами, провожая нас в могилу.

— Всем пристегнуться! Максимально сгруппироваться! — крикнул я, наваливаясь всем весом на штурвал. Без работающих двигателей и гидравлики он стал тяжелым и неповоротливым, как бетонная плита. — Идем на жесткую посадку! Сэм, Коля, Рауль — держитесь за что можете!

Мы пробили нижний слой облаков, и перед нами открылась бесконечная, мрачная панорама карельских лесов. Внизу расстился сплошной ковер из темно-зеленых игл, который казался монолитным и беспощадным. Самолет превратился в кусок мертвого, планирующего железа. Ветер с диким свистом врывался в многочисленные щели и пробоины обшивки, создавая звук, похожий на вой тысячи привидений, оплакивающих наш финал.

Я видел через остекление кабины, как верхушки вековых сосен стремительно приближаются, превращаясь из мелких точек в гигантские копыя. Мы падали слишком быстро. —

Сейчас будет очень больно! — Рауль успел только выкрикнуть молитву, прежде чем первый удар сотряс машину.

Ан-26 врезался в верхушки деревьев, срезая их как гигантской бритвой. Кабину наполнил оглушительный грохот ломающейся древесины и скрежет металла, который заглушил даже наши крики. Самолет бешено швыряло из стороны в сторону, тяжелые ветки хлестали по стеклам, разбивая их в мелкую крошку. Мы прорубали себе путь сквозь лес ценной собственного фюзеляжа, пока наконец не вошли в грунт. Последнее, что я помню — это ослепительная вспышка боли и темнота, пахнувшая сосновой смолой и керосином.

С жутким скрежетом и воем рвущегося дюралюминия самолет пропахал глубокую, дымящуюся просеку длиной в добрую сотню ярдов, окончательно зарывшись носом в мягкий карельский мох и выворачивая с корнем столетние ели. Когда движение наконец прекратилось, в разбитом, искореженном салоне воцарилась оглушительная тишина. Её нарушало только шипение пара из разорванных радиаторов и зловеющий треск остывающего металла. Весь этот хаос длился не более минуты, но для нас он растянулся в целую вечность.

Я медленно, с трудом открыл глаза. Лицо заливало что-то теплое и липкое, а в ушах стоял невыносимый звон. Перед глазами всё еще плыли лазурные пятна, смешиваясь с реальными искрами от короткого замыкания остатков проводки. — Все живы? Голос! — мой хрип казался чужим в этом разрушенном пространстве. — Вроде цел... только реб-

ра, кажется, всмятку, — отозвался Сэм откуда-то из глубины заваленного ящиками хвоста. — Но наш «автобус», парни, приехал на конечную. Дальше только ножками.

Буров выбил заклинившую дверь кабины мощным ударом плеча, и в салон ворвался холодный, пахнущий сыростью воздух. Перед нами расстилался древний, мрачный лес, окутанный серым, вязким туманом Завесы. Мы были в сотнях километров от Мурманска, без транспорта, без связи, в самом сердце территории, где Рой чувствовал себя абсолютным хозяином. Но папка из Кремля всё еще была прижата к груди майора, а Кольская скважина звала меня через «зуд» в костях всё настойчивее, вибрируя где-то там, за горизонтом, в ожидании своего наследника.

Мы выжили только чудом — тем самым горьким, металлическим чудом, которое насквозь пахло гарью, авиационным керосином и смертью. Когда последняя пыль осела на изуродованный металл и последний скрежет рвущегося дюралюминия наконец смолк, Ан-26 представлял собой жалкое, пугающее зрелище. Самолет лежал в просеке, как хребет доисторического зверя: разорванный пополам фюзеляж, смятые в уродливую гармошку крылья и хвост, торчащий из карельской земли под неестественным, ломаным углом, словно указующий перст в небо, которое нас предало.

Рауль отделался лишь легким шоком и парой глубоких ссадин на лбу, которые он лениво вытирал рукавом. А вот Сэму повезло гораздо меньше — ударная волна при падении

снова вскрыла его старую рану на плече, полученную еще в Москве. По камуфляжу быстро, дюйм за дюймом, поползло предательское темное пятно. Бойцы Бурова, эти железные люди, привыкшие к худшему сценарию еще в метро, уже деловито и молча вытаскивали уцелевшие ящики с патронами и сухпайки через рваный разлом в обшивке.

Мы с майором стояли в паре метров от обломков, пытаюсь осознать, в какую именно часть ада нас выбросило небо. Вокруг расстилалась бесконечная, древняя карельская тайга, плотно окутанная ватным, неподвижным саваном тумана. Здесь стояла такая абсолютная, вакуумная тишина, что от нее начинало физически звенеть в ушах, словно весь остальной мир внезапно оглох или перестал существовать. Ни привычного пения птиц, ни шелеста ветра в иглах сосен — только тяжелое, липкое марево «Завесы», которое опустилось на самые верхушки деревьев, превращая их в острые призрачные копыя, готовые проткнуть любого чужака.

— Still 800 kilometers to Murmansk, — Буров хмуро и зло сверился с магнитным компасом. Стрелка прибора не просто дрожала — она совершала хаотичные, нервные рывки, наотрез отказываясь указывать на истинный север. — Идти пешком через этот бурелом — это чистое самоубийство. Рой в этих лесах, Кинг, — это тебе не городские крысы-адаптанты из подвалов Тверской. Здесь твари за сорок лет слились с корой и камнем. Они почувствуют вибрацию наших шагов и тепло наших тел за мили, раньше, чем мы успеем сделать

первый осознанный шаг. Мы для них — просто самодвижущийся концентрат белков.

Я посмотрел на свои руки. Лазурные нити под кожей пульсировали в такт этой тишине. Я чувствовал, как лес наблюдает за нами. Это не был страх жертвы, это было осознание того, что мы зашли в чужой монастырь со своим уставом, и настоящие хозяева этих мест уже начали затачивать свои когти.

Весь следующий день превратился в бесконечный, выматывающий кошмар. Мы буквально прогрызали себе путь сквозь густой, колючий подлесок, неся на плечах всё, что удалось спасти из чрева Ан-26. Рюкзаки врезались в плечи, ветки хлестали по лицам, оставляя кровавые росчерки. Мои руки не переставая пульсировали, отзываясь на каждый шаг глухим, ритмичным «зудом» в костях. Это было похоже на низкочастотный сигнал, который предвещал близость чего-то очень древнего, холодного и бесконечно голодного.

К вечеру, когда силы были уже на исходе, а Сэм начал бредить от потери крови и лихорадки, мы почти случайно вышли на заброшенную однокорейку. Она выглядела так, будто её не касался человек со времен Карибского кризиса. Наполовину поглощенная наступающим лесом, железная дорога казалась шрамом на теле тайги. Ржавые, покрытые густым рыжим налетом рельсы едва проглядывали сквозь толстый слой опавшей хвои и серого, пепельного мха.

И там, на путях, словно застывший в засаде доисториче-

ский зверь, стоял старый товарный состав. Возглавлял его маневровый тепловоз ТЭМ2, который в этом призрачном тумане выглядел на удивление сурово и даже величественно. Облупившаяся зеленая краска, массивная железная «морда» с советской звездой и высокая выхлопная труба, похожая на орудие.

— This is it... — я указал Бурову на едва заметный, тонкий столб дыма, лениво поднимающийся над лесом в паре миль впереди по путям. — Там должна быть старая станция снабжения или карьер. Если в баках этой железной колымаги осталось хотя бы ведро солярки, мы заставим её двигаться. Советское железо, майор, оно создано специально для того, чтобы работать в самом эпицентре ада, когда всё остальное превращается в пар. Это наш единственный шанс не сгнить в этом лесу и не стать частью биомассы Роя.

Буров осмотрел тепловоз. На его лице впервые за день промелькнуло нечто, похожее на надежду. Он понимал: либо мы оседлаем этого стального призрака, либо Карелия станет последней главой в нашей биографии. Мы начали подъем в кабину, стараясь не звенеть оружием, но тишина леса вокруг нас стала еще более напряженной, словно хищник затаил дыхание перед прыжком.

Следующие два часа мы провели в тесной, пропахшей соляркой и старым железом кабине тепловоза. Мы обливались едким потом, покрываясь черным мазутом по самые локти. Я работал почти вслепую, полагаясь на свою интуицию ме-

ханика и те скудные знания о советской технике, что успел почерпнуть из отцовских тетрадей. Пока я копался в топливных магистралях и проверял аккумуляторы, Буров и его люди обеспечивали периметр. Бойцы окружили поезд плотным кольцом, вглядываясь в серые, зыбкие тени между вековыми соснами, ожидая нападения каждую секунду.

Воздух стал настолько густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Когда двигатель тепловоза наконец чихнул в первый раз, извергнув из себя столб густого, маслянистого дыма, по лесу прокатилось такое мощное и глубокое эхо, что с ближайших деревьев осыпался иней. Стальной великан медленно возвращался к жизни, сотрясая платформу под нашими ногами.

Но стоило тяжелым колесам с металлическим скрежетом и визгом провернуться на ржавых, сопротивляющихся рельсах, как я почувствовал ЭТО. Это не был звук снаружи. Это был Шепот. Тот самый многотысячный, вкрадчивый и влажный голос, о котором я читал в документах «Особой папки» КГБ. Звук резонировал прямо в моих костях, поднимаясь откуда-то из-под земли, из самых глубин скальной породы. Казалось, планета под нами была полой, и в этой пустоте жили миллионы существ, которые только что слышали наш зов.

— Sam, Raul! To the platform! Now! — заорал я, сбрасывая с рук промасленную ветошь. Я чувствовал, как лазурная энергия внутри моих вен начинает закипать, требуя выхода, как перегретый пар в котле. Моё зрение начало подергивать-

ся синей дымкой.

— They are coming! — Буров не стал задавать лишних вопросов. Он увидел безумный блеск в моих глазах и коротко, по-военному свистнул своим ребятам, перехватывая автомат и занимая позицию у борта платформы. Мы еще не видели их, но лес уже начал оживать, превращаясь в единую стену ярости, направленную против нас.

Я стоял на открытой платформе сразу за тендером тепловоза, мертвой хваткой сжимая поручни. Лес вокруг нас внезапно и страшно пришел в яростное движение. Столетние деревья ломались с сухим, пугающим треском, как спички, и на просеку начали выходить они. Настоящие хозяева карельской тайги.

Это были не те адаптанты-люди, к которым мы привыкли. Рой поглотил саму природу. Из тумана выходили мутировавшие медведи и лоси. Это были чудовищные горы мышц, костей и хитина, покрытые клочьями густого бурого меха, сквозь который, словно инопланетные паразиты, прорастали острые лазурные кристаллы. У них были те же характерные вертикальные пасти, сочащиеся черной, густой жижей, но их движения были неестественно, пугающе грациозными для таких массивных тел. Они не бежали — они перетекали между стволами деревьев, как тени.

Мои руки горели так, что кожа на ладонях начала лопаться, обнажая пульсирующие лазурные волокна под эпидермисом. Боль была ослепляющей, похожей на непрекращающийся-

ся удар током. Но в этот раз я не стал сжимать зубы. Я не стал бороться с этим. Я закрыл глаза и полностью поддался первобытному, яростному импульсу, который транслировал Источник через мою кровь.

С диким криком я выбросил ладони вперед, направляя весь накопившийся лазурный гнев в сторону наступающего леса. Воздух между мной и монстрами буквально затрещал от статического напряжения. Пространство окрасилось в яркий электрический синий цвет, выжигая туман и ослепляя всё живое. Это был не просто свет — это был приказ, записанный в частотах самой планеты.

И в ту же секунду произошло то, чего не ожидал никто из нас. Рой... замолчал. Многотысячный, сводящий с ума шепот в моей голове мгновенно сменился тяжелой, вибрирующей и почтительной тишиной. Твари замерли на месте, словно по команде «смирно», отданной невидимым генералом.

Гигантский лось-адаптант, чьи рога превратились в кристаллические кроны, пульсирующие лазурью, остановился всего в пяти метрах от железнодорожной насыпи. Его дыхание вырывалось из вертикальной пасти облачками пара. Они не напали. Они просто стояли, склонив свои уродливые головы, и смотрели на нас своими фасеточными глазами, в которых ярким холодным пламенем отражалось моё сияние. В этот миг я был для них не едой. Я был Голосом.

Поезд начал медленно, со стоном набирать ход, лязгая сцепками и унося наш поредевший отряд дальше на Север.

Твари так и остались стоять на насыпи, провожая нас долгими, неподвижными взглядами, пока стена леса окончательно не скрыла их из виду в сером мареве.

— King... what the hell did you do? — Рауль медленно опустил автомат, его пальцы заметно дрожали, а на лице читался суеверный, почти религиозный ужас. — I don't know, Raul, — ответил я, глядя на свои сияющие ладони. Свет начал медленно гаснуть, оставляя на коже красные, болезненные ожоги. — Но кажется, они приняли меня за часть своей системы. За кого-то, кому не просто можно, а нужно позволить пройти. И знаешь что, парень? Это пугает меня гораздо сильнее, чем их клыки и когти. Я больше не уверен, на чьей я стороне.

Старый советский тепловоз монотонно и тяжело стучал на стыках ржавых рельсов, унося наш поредевший отряд всё дальше в бездонную, равнодушную глубь карельских лесов. Вспышка лазурного гнева, которая заставила лесной Рой отступить и склонить головы в немом почтении, погасла так же внезапно, как и началась. Она оставила после себя лишь звон в ушах и странную, пугающую пустоту внутри — ощущение, будто из меня выдернули жизненно важный орган, заменив его холодным сквозняком.

Энергия во мне не исчезла бесследно. Она просто уплотнилась, свернулась в тугой узел и осела где-то глубоко под ребрами тяжелым, холодным и неподвижным комком. Ладони больше не горели ослепительным пламенем; теперь они лишь изредка, в такт биению сердца, пульсировали едва за-

метным, прозрачным лазурным светом. Это было похоже на затухающие угли в костре, который засыпали мокрым снегом: тепла уже нет, но внутри всё еще тлеет опасная, разрушительная суть.

Я чувствовал себя странно... нормально. И, черт возьми, именно это пугало меня больше всего. Слишком нормально для человека, чей генетический код прямо сейчас, секунда за секундой, переписывали чужие, внеземные частоты. Мутация внутри моих клеток замерла, затаилась, словно хищник в засаде. Она не ушла, она просто ждала нового ключа, новой вибрации или следующего шага к эпицентру на Севере, чтобы окончательно поглотить мою личность.

— King, you okay? Ты выглядишь так, будто увидел собственного призрака, — Сэм осторожно подошел ко мне на открытой платформе. Он старался не смотреть прямо на мои руки, но я видел, как он непроизвольно сжимает пальцами цевье винтовки. В его голосе была не только забота, но и та самая скрытая тревога, которую чувствует человек рядом с нестабильной взрывчаткой. — Battery low, Sam. Просто передышка, — я попытался выдавить из себя подобие улыбки, но лицо ощущалось как застывшая гипсовая маска. — Ресурс не бесконечен. Мой «внутренний аккумулятор» разряжен. Нам нужно доехать до Мурманска как можно быстрее. Доехать раньше, чем я окончательно перестану быть Джоном Кингом и превращусь в нечто, что этот лес назовет своим хозяином.

Сэм промолчал, лишь понимающе кивнул и вернулся к наблюдению за лесом. А я остался стоять, слушая ритм колес, и понимал: тишина внутри меня — это лишь затишье перед бурей, которую я сам же и принес в этот мир.

Через час пути, когда монотонный стук колес начал усыплять бдительность, я случайно поднял голову к небу и замер, забыв, как дышать. Туман над карельской тайгой был густым и непроницаемым, как парное молоко, но внезапно налетевший резкий, ледяной порыв северного ветра разорвал его верхний слой. Ключья мглы разлетелись в стороны, обнажая истинное, кошмарное положение вещей. И тогда мы увидели ЕЁ.

Высоко над верхушками вековых сосен, на практически недостижимой для глаза высоте, между гранитными скалами и верхушками деревьев была натянута гигантская паутина. Но это не были тонкие, прозрачные нити привычного нам земного насекомого. Это было нечто, бросающее вызов законам биологии и гравитации.

Перед нами раскинулись массивные, полупрозрачные и пульсирующие липкие канаты. Каждая такая жила была толщиной с человеческую ногу, а в узлах плетения они раздувались до размеров бочки. Они переплетались в гигантский, геометрически безупречный и бесконечный узор, который закрывал собой всё видимое небо, словно чужеродный купол, возведенный безумным архитектором. Сеть слегка, почти незаметно подергивалась в ритме, который не имел ни-

какого отношения к порывам ветра. Она дышала.

Жилы пульсировали тем самым ртутным, серебристым светом, что и порталы «Аида», перекачивая через себя невидимые, но мощные потоки энергии. — *Madre de Dios...* — прошептал Рауль. Его винтовка выпала из рук, со звоном ударившись о настил платформы. Он медленно опустился на колени, глядя вверх с выражением религиозного ужаса. — Где же тогда паук, который смог сплести такое? Если это только ловушка, Кинг, то насколько велик должен быть сам охотник?

Я смотрел на этот небесный узор и чувствовал, как лазурные нити в моих венах начинают вибрировать в унисон с пульсацией сети. Мы не просто ехали через лес. Мы ползли по дну гигантской клетки, и потолок этой клетки был живым. Небо Карелии больше не принадлежало атмосфере; оно принадлежало Рою, который методично перекраивал пространство над нашими головами, превращая его в свою собственную, замкнутую экосистему.

— *There is no spider, Raul.* Здесь нет никакого паука в привычном тебе смысле, — Буров медленно вышел из кабины машиниста на платформу. Он не отрывал взгляда от окуляров бинокля, и я видел, как его лицо, покрытое слоем мазута и копоты, стало серым от предельного ментального напряжения. — *The web IS the spider.* Эта сеть и есть сам охотник. Это колоссальный коллективный орган Роя, вынесенный наружу, в верхние слои атмосферы, для фильтрации и перера-

ботки. Она живая, Рауль. Каждая нить — это нерв и пищевод одновременно.

Я отобрал у Бурова бинокль и присмотрелся к узлам этой сети. К горлу мгновенно подступила тошнота. В некоторых местах, в липких путах паутины, висели жуткие, бесформенные коконы. Там были искореженные, смятые остатки вертолетов, запутавшиеся в жилах перелетные птицы и какие-то крупные лесные твари — лоси или медведи, превращенные в сухие, выпитые досуха свертки.

Паутина не ждала, пока жертва умрет от голода или страха. Как только любой органический или даже механический объект касался липкой, вибрирующей нити, жила сама начинала судорожно сокращаться. Она обволакивала добычу слоями слизи, растворяла её и высасывала всю органику, все соки и энергию прямо там, в воздухе. Я видел, как по пульсирующим каналам вверх, к самому зениту «Завесы», перекачивается мутная биомасса.

Весь этот бескрайний лес был не просто лесом — он был огромной, автоматизированной фермой по сбору ресурсов. А мы... мы были просто случайными насекомыми, временно свободными, но ползущими по самому дну этой гигантской чашки Петри. Наш тепловоз, изрыгающий дым и шум, был для этой сети ярким сигналом. Буров был прав: мы находились внутри пищеварительной системы, которая только что начала нами интересоваться. Каждая заклепка нашего поезда теперь была потенциальной приманкой для свиса-

ющих сверху «пальцев» Роя.

— Look! In front! Смотрите на пути! — внезапно выкрикнул Сэм. Он вскинул свой «Витязь», указывая на железнодорожное полотно впереди нас. Мое сердце пропустило удар. Нити паутины, которые до этого висели высоко в облаках, начали стремительно спускаться значительно ниже. Они больше не были далеким узором; они превратились в частокол, буквально перегораживающий наш путь.

Жилы свисали с вековых деревьев по обе стороны насыпи, как живые, плотоядные лианы. Они медленно, маятниково раскачивались, словно нащупывая нас в тумане. Это больше не была пассивная сеть для ловли птиц — это была активная, агрессивная охотничья зона, которая методично и верно опускалась на нас сверху, отсекая все пути к отступлению и превращая тоннель из деревьев в смертельный мешок.

— Full gas, King! Выжимай из этой консервной банки всё! — гаркнул Буров, бросаясь обратно к рычагам управления тепловозом. — Если хоть одна из этих липких жил зацепит выхлопную трубу или край нашей платформы, нас поднимет в воздух вместе со всем поездом за секунды! Мы не просто разобьемся, Джон. Мы станем очередным вялым коконом в этом небесном морге!

Я рванул тяжелый стальной рычаг на себя до упора, чувствуя, как металл сопротивляется. Тепловоз взревел, выплевывая в небо столбы черного дыма и снопы искр. Старый дизель работал на пределе своих возможностей, сотрясая же-

лезную платформу с такой силой, что у меня начали биться зубы друг о друга, а суставы заныли от вибрации. Мы неслись вперед, в самую гущу свисающих нитей, понимая, что любая ошибка механики или секундное промедление превратят наш поход в короткий и мучительный финал. Воздух вокруг нас стал горячим и липким, пахнущим озоном и разложением.

Мы неслись сквозь серый туман, а над нами и буквально вокруг нас живая, пульсирующая смерть начинала свой медленный, грациозный и неотвратимый танец. Это было красиво и ужасно одновременно. Я видел, как одна из спускающихся жил, толщиной с корабельный канат, коснулась макушки вековой сосны всего в десяти метрах от путей. Огромное дерево мгновенно, в один миг облепило серой слизью, и его вырвало с корнем с жутким, сухим хрустом, утягивая вверх, в ненасытную небесную утробу «Завесы». Лес буквально возносился к небу по частям.

Мы пролетали под этими живыми «петлями» на бешеной скорости. Я чувствовал, как липкая, едкая пыль оседает на моей коже, вызывая зуд. Сэм и бойцы Бурова открыли шквальный, неистовый огонь по нитям, которые пытались преградить нам путь. Пули с влажным чмоканьем входили в пульсирующую плоть жил, но они лишь бессильно вязли в липкой субстанции, не причиняя ей видимого вреда. Паутина просто поглощала свинец, становясь только плотнее.

— Just a bit more! Еще немного! — орал я, вцепившись

в поручни. Тепловоз опасно кренился на крутом повороте, колеса визжали, высекая искры из ржавых рельсов. — Мы проскочим! Мы должны проскочить!

Впереди показалась узкая скальная выемка — старый гранитный коридор, пробитый в сопке. Мы влетели в него на полном ходу, и над нами на благословенное мгновение сомкнулся камень, физически обрывая тянущиеся к нам смертоносные жилы. Мы вырвались из ловушки, оставив позади разочарованное колыхание небесной сети. Но когда мы вылетели на открытое пространство с другой стороны сопки, я понял: небо Карелии теперь окончательно принадлежало не нам. Мы были лишь временными беглецами, и в следующий раз Рой не даст нам такой форы. Я посмотрел на свои руки — они снова начали пульсировать, но теперь в их свете была не ярость, а глубокий, парализующий страх перед величием того, с чем мы столкнулись.

Всё произошло за считанные секунды, в тот самый фатальный миг, когда нам на долю мгновения показалось, что спасительный скальный коридор уже совсем близко и тень гранита укроет нас от неусыпного небесного взора. Мы почти проскочили этот кошмарный «лес виселиц», когда одна из свисающих сверху нитей — толщиной с добрый корабельный канат и цветом напоминающая гнилое серебро — хлестнула по раскаленной выхлопной трубе тепловоза. Она не порвалась от бешеной скорости нашего бега и не соскользнула с гладкого металла. Она прилипла со звуком тяжелого, мок-

рого и тошнотворного удара, мгновенно затвердев и схватившись мертвой хваткой, словно сверхпрочная эпоксидная смола.

Состав дернуло с такой чудовищной, запредельной силой, что многотонная стальная махина тепловоза буквально встала на дыбы, как испуганная лошадь. Скрежет рвущихся сцепок перекрыл яростный рев дизеля, который в последний раз попытался вырвать нас из капкана. Рауля выбросило с открытой платформы первым; его тело прочертило короткую дугу, и он со всей силы рухнул на острую гравийную насыпь. Я видел, как он покатился кубарем в кювет, исчезая в высокой траве. Сэма с глухим, костяным стуком впечатало в ящики с боеприпасами, и он мгновенно затих, оглушенный ударом, сползая по борту.

Сталь локомотива застонала так, словно это было живое, чувствующее боль существо. Металл обшивки начал рваться под немыслимым натяжением паутины, будто это была старая, мокрая бумага, а не советский дюралюминий. Я в ледяном ужасе наблюдал, как огромные колесные пары с искрящимся, визжащим звуком скрежещут по рельсам, тщетно пытаясь зацепиться за землю, а затем — медленно, тяжелыми рывками — тепловоз вместе с нами начало отрываться от земли. Мы начали подниматься в оранжевое, светящееся марево карельского неба, теряя опору под ногами и превращаясь в добычу, пойманную на рыболовный крючок бога-паука.

— ПРЫГАЙТЕ! — взревел Буров, перекрывая невыносимый скрежет рвущегося железа, визг металла и свист выходящего из разорванных магистралей пара. В его обычно спокойном голосе на этот раз не было ни тени страха — только холодная, кристаллизованная ярость командира, который понимает, что теряет своих людей, но обязан сохранить миссию. Он железной, мертвой хваткой вцепился в шиворот остолбеневшего Коли, чей взгляд застыл на стремительно удаляющейся, уходящей вниз земле, и с силой, на которую способен только человек в шаге от смерти, толкнул его к самому краю платформы, буквально отправляя в полет.

— СЕЙЧАС, ИЛИ УЙДЕТЕ ВВЕРХ ВМЕСТЕ С ЭТИМ ЖЕЛЕЗНЫМ ГРОБОМ! ЖИВО, МАТЬ ВАШУ! — этот крик вырвал меня из оцепенения.

Я видел лицо майора всего секунду — оно было серым от пыли, мазута и абсолютного бессилия перед лицом небесной жатвы, которую невозможно остановить пулей. Мы посыпались с поезда, как горох из лопнувшего мешка, кубарем катясь по крутому склону в мокрый, липкий и холодный карельский мох. Удары веток хлестали по лицу, острые камни обдирали ладони до мяса, но это была ничтожная, малая цена за призрачное право остаться на твердой земле.

Но удача в тот день улыбнулась далеко не всем. Пока я пытался затормозить безумное падение, судорожно впиваясь пальцами в дерн и корни деревьев, я слышал звуки, которые будут преследовать меня в кошмарах до самой смерти

— звуки того, как живая сеть Роя методично выбирает свою добычу среди тех, кто замешкался или просто не успел осознать масштаб катастрофы. Гравитация в тот момент стала нашим союзником, но небо оказалось быстрее.

Двое бойцов Бурова — те самые крепкие, надежные ребята, что прошли с нами через огненный ад станции «Охотный ряд» и делили последние крохи черствого сухого пайка в перегонах метро — не успели сделать этот единственный, решающий шаг в пустоту. Сеть Роя, словно обладая собственным хищным и невероятно быстрым разумом, мгновенно среагировала на вибрацию их панических, судорожных движений на платформе.

Из оранжевого тумана над нашими головами, как костяные гарпуны, выстрелили дополнительные липкие отростки, двигаясь со скоростью атакующей кобры. Один из парней запутался ногами в нитях прямо в прыжке; его тело неестественно дернулось и зависло в метре от земли, словно его дернул за ниточки безумный кукловод. — Командир! Помо... — его хриплый крик захлебнулся, когда полупрозрачная, пульсирующая жила мгновенно обвилась вокруг его шеи, затыкая рот холодной, маслянистой слизью.

С влажным, тошнотворным хрустом разрываемой плоти сеть рывком рванула его тело вверх, в туманную высь, скрывая в оранжевом мареве Завесы навсегда. Второго бойца просто припечатало к борту поднимающегося вагона новой порцией «клея»; живые нити обволокли его коконом за счи-

таннные доли секунды, превращая живого человека в неподвижный, пульсирующий и безмолвный сверток. Мы видели сквозь пыль, как его пальцы в последний раз судорожно, до крови царапнули по крашеному зеленому металлу, прежде чем всё окончательно закончилось. Пятьдесят человек ушли в портал в Нью-Йорке, десятки погибли в Москве, и вот нас осталось совсем немного, а карельское небо продолжало методично собирать свою кровавую дань, не делая абсолютно никаких различий между героями и строителями.

Мы рухнули в ледяной, пропитанный влагой мох, задышавшись от ударов и глядя вверх на то, что еще минуту назад было нашим единственным шансом на спасение и средством передвижения. Сзади раздался финальный, оглушительный скрежет и звон — рельсы не выдержали запредельного веса поднимаемого состава, выгнулись дугой и с грохотом лопнули, разбрасывая вокруг колючие, раскаленные осколки стали. Тепловоз, окончательно и безнадежно запутавшийся в десятках пульсирующих лазурных нитей, замер в десяти метрах над землей.

Он медленно и жутко раскачивался в холодном воздухе на этих живых тросах, как гигантское железное кадило в руках какого-то безумного, хтонического бога. Из его разбитых, черных окон всё еще капало горячее отработанное масло и вырывался густой белый пар, похожий на последний, предсмертный вздох загнанного зверя.

Там, в железном чреве машины, остались почти все наши

запасы еды, большая часть драгоценных патронов к «Витязям» и, что самое страшное — наши боевые товарищи, ставшие частью системы. Но спасти было уже абсолютно некого. Мы видели сквозь серую дымку, как новые жилы Завесы жадно присосались к металлической обшивке локомотива, мгновенно становясь из серебристых ярко-красными, наливаясь украденной кровью тех, кто не успел прыгнуть.

Они выкачивали жизнь прямо через стальные плиты, поглощая всё органическое внутри с методичностью промышленного пресса. В небе над Карелией развернулся отвратительный процесс переработки биомассы, и мы были лишь бессильными, раздавленными свидетелями этого торжествующего кошмара. Рой не просто убивал — он ассимилировал, стирая саму память о человеческом существовании.

— Уходим! Не пялиться наверх! — Буров первым с трудом поднялся на ноги, тяжело и хрипло дыша через стиснутые зубы. Его лицо было залито густой кровью из глубоко рассеченного лба, которая уже начала застывать коркой, но взгляд оставался твердым и ледяным. В руках он всё еще мертвой хваткой сжимал ту самую папку из Кремля, словно это был единственный священный артефакт, дающий смысл нашему выживанию. — Если останемся здесь, в тени их добычи, следующая нить будет нашей. Рой не любит, когда еда разбегается, он вернется за добавкой.

Я оглянулся на наш поредевший, избитый отряд. Нас осталось всего шестеро: я, Сэм, Рауль, Буров, Коля и еще

один молчаливый боец, чье имя я так и не успел запомнить. Без поезда, без надежного транспорта, без большей части провизии и медикаментов, мы стояли посреди глубокого враждебного леса, который теперь буквально «ел» нас прямо с неба.

Но резонанс в моих костях не утих после катастрофы — он стал глубже, злее, вибрируя в такт каждой пульсации сети наверху. Я чувствовал, как этот свет внутри меня торжествует. Кольская скважина была уже где-то впереди, за горизонтом, и теперь у нас не было другого пути, кроме как идти вперед пешком через ледяную, вымирающую тундру, где смерть могла прийти с любого направления. — King, you hear that? — прошептал Рауль, дрожащими руками поднимая свой щит и пятясь от раскачивающегося железного «кадила».

Я прислушался. Сверху, из-за пелены оранжевого тумана, доносилось довольное, ритмичное и сытое чавканье Завесы. Жатва закончилась, и теперь в этом лесу наступала тишина сытого хищника, который начал лениво переваривать свой обед. Нам дали время, чтобы уйти. Но это время было оплачено жизнями наших друзей.

После катастрофической потери тепловоза и гибели ребят, Карелия встретила наш поредевший отряд мертвой, высасывающей последние жизненные силы сыростью. Она не просто мочила одежду — она пробирала до самого мозга костей, заставляя суставы ныть, а зубы мелко биться друг

о друга. Мы шли уже несколько часов, молчаливой и побитой цепочкой пробираясь через бесконечный бурелом, когда плотный сосновый лес внезапно оборвался. Он не закончился опушкой, он просто исчез, растворившись в глухой, непроницаемой белой стене.

Туман вокруг нас мгновенно стал настолько плотным, вязким и осязаемым, как сырая вата. Он скрывал под собой наши сапоги, превращая идущего всего в двух шагах впереди Колю в едва различимую, зыбкую и постоянно меняющуюся тень. Воздух стал тяжелым, липким, отчетливо пахнущим озоном и застоялой, гнилой водой древних болот. От этого аромата во рту появился стойкий, металлический привкус меди, а в голове возникло странное давление.

— Тише... — внезапно прошептал Буров, и его голос в этой вате прозвучал неестественно глухо. Он резко вскинул кулак вверх. — Всем вниз. Прижаться к земле и замереть. Не дышите, если всё еще хотите увидеть завтрашний день.

Мы рухнули в мокрый, пропитанный ледяной водой мох, стараясь не производить ни единого шороха. Мы затаились, чувствуя, как холодная влага пропитывает камуфляж. В этой абсолютной, пугающей белизне тумана начали медленно проступать иные силуэты. Они не были похожи на Рой, который мы видели в Нью-Йорке или Москве. Это были нечеткие, текучие фигуры, не подчиняющиеся законам земной анатомии. Нечто более древнее, бесплотное и нематериальное, порожденное искажением самой ткани пространства

в зоне действия Завесы. Мы замерли, понимая, что обычное оружие здесь будет так же полезно, как молитва в открытом космосе.

Они не шли по земле в привычном смысле этого слова — они плавно скользили между искривленными, карликовыми стволами чахлых северных берез, напоминая обрывки рваного, серого дыма. Эти фигуры постоянно меняли свою форму прямо на ходу: то вытягиваясь, то сжимаясь, словно они не имели постоянного веса и объема. У них не было лиц, не было привычных глаз или ртов — только вытянутые, полупрозрачные тела, внутри которых, где-то в самой глубине, мерцало тусклое, гниlostное сияние. Оно напоминало свет гнилушек на заброшенном болоте или флуоресценцию разлагающейся органики.

Они не издавали звуков, которые мог бы уловить человеческий слух, но сам воздух вокруг них вибрировал с такой жуткой, низкой частотой, что у меня мгновенно начала кружиться голова. К горлу подступила тошнотворная тошнота, а в висках застучали невидимые молотки. Это было присутствие абсолютной чуждости.

— Пули их не берут... забудьте об оружии, — едва слышно прошептал я Бурову на английском, вжимаясь лицом в мох. В памяти всплыли те самые обрывочные, сумбурные пометки моего отца в кремлевских отчетах, которые мы лихорадочно изучали в Спецхране. — Это энергетические слепки, майор... «эхо» тех несчастных, кто не успел превратиться в

полноценных адаптантов и навсегда застрял в этой промежуточной фазе между мирами. Они не видят нас как физические объекты. Они ищут наш страх... нашу биологическую активность, наше тепло. Они питаются самой сутью жизни, поглощая движение молекул и оставляя после себя лишь абсолютную, мертвую пустоту.

Буров только крепче сжал челюсти. Мы лежали неподвижно, надеясь стать для этих существ частью холодного ландшафта, но Призраки чувствовали наши бьющиеся сердца. Они были здесь не для того, чтобы есть нашу плоть — они пришли за нашей энергией, за самой энтропией наших тел.

Один из Призраков, двигаясь плавно и неотвратимо, остановился прямо над тем местом, где лежал Рауль, зарывшись лицом в холодную грязь. Мексиканец зажмурился до боли, вжавшись в мох всем телом. Я видел, как его пальцы, побелевшие до самых суставов, судорожно сжимают в руке старый, потертый деревянный крестик. Его губы беззвучно, лихорадочно шевелились в бесконечной молитве.

Существо медленно наклонилось над ним. Его бесформенная, колышущаяся конечность, больше похожая на плотный обрывок тумана, чем на руку, потянулась к затылку Рауля. Это не было агрессивным жестом — Призрак словно изучал новую, необычно теплую форму жизни, которая случайно оказалась на его пути.

Я с ужасом увидел, как трава и зеленый мох под фигурой

Призрака мгновенно, на глазах, покрываются толстым слоем белого инея. Капли воды в воздухе вокруг него замерзли в крошечные ледяные кристаллы, которые с тихим, едва слышным звоном осыпались на землю. Призраки высасывали не кровь и не плоть — они поглощали тепловую энергию, превращая всё живое вокруг себя в абсолютный температурный ноль. Они выпивали само движение.

Еще секунда — и сердце Рауля просто остановилось бы от внезапного, запредельного и неестественного холода, превратившись в хрупкий кусок льда в его грудной клетке. Я понял, что больше нельзя просто лежать и ждать. Наш отряд должен был стать еще меньше прямо сейчас, и я был единственным, кто мог это предотвратить. Мой «дар» требовал выхода, и цена этого выхода была мне уже безразлична.

В этот критический момент, когда иней уже коснулся воротника Рауля, моя правая рука самопроизвольно и резко дернулась. Тело прошила острая, обжигающая судорога, словно через позвоночник пропустили разряд тока. Ладонь сама по себе, без моего осознанного приказа, вспыхнула тем самым «приглушенным» лазурным светом, который дремал под моими ребрами со времен встречи с карельскими лосями.

Сияние не было ослепительно ярким в этом белом молоке тумана, оно было матовым и глубоким. Но этот свет резал мглу, как боевой лазер, оставляя в тяжелом воздухе отчетливый запах озона и паленого электричества. Это была ча-

стога, враждебная холоду Призраков.

Существо, склонившееся над Раулем, резко, почти судорожно отшатнулось назад. Оно издало звук, похожий на шелест тысяч сухих осенних листьев или треск старой, рассыпающейся на глазах киноплёнки. Для этого создания, целиком сотканного из холода и антиматерии, мой внутренний свет был подобен раскаленному добела железу, которое представили прямо к его воображаемым глазам.

Фигура Миража задрожала всем телом, начала стремительно терять свои и без того зыбкие, дымчатые очертания и поспешно отступила обратно в белую мглу болота. Призрак бежал от тепла, которое он не мог переварить. Остальные тени тоже начали медленно, словно нехотя, дрейфовать в сторону, не желая сталкиваться с этой непонятной и опасной для них энергией. Путь был временно очищен, но свет в моей руке стоил мне огромных усилий.

— King... — выдохнул Сэм, ошарашенно глядя на мою руку, которая продолжала слабо, ритмично мерцать под кожей, подсвечивая вены лазурным неоном. — Они тебя боятся. Или, черт возьми, они принимают тебя за какую-то аномалию своего же мира. За вожака, которого физически нельзя трогать, чтобы не сгореть.

— Уходим, пока есть окно, — Буров первым рывком поднялся на ноги. Он не сводил напряженного, профессионального взгляда с мерцающих вдаль, за пеленой тумана, фигур. — Быстро и тихо. Пока они не осознали, что нас можно про-

сто задавить массой, или пока не позвали кого-то покрупнее из черных глубин этих проклятых карельских болот.

Майор поправил лямки своего тяжелого рюкзака, в котором лежал архив Кольской, и посмотрел на меня с новой, пугающей и тяжелой серьезностью. В его глазах больше не осталось места для подозрения или отчужденности — там был только холодный расчет командира, осознавшего истинную ценность своего ресурса. — У нас нет поезда, Джон. У нас нет половины патронов, и мы застряли посреди топей, где сама реальность трещит и рвется по швам. Но у нас есть ты. И теперь я вижу, что ты — наш единственный реальный шанс дойти до Мурманска живыми.

Он положил руку мне на плечо, и я почувствовал, как тепло его ладони контрастирует с лазурным холодом в моих жилах. — Ты теперь — наша батарейка, наш единственный факел и наш щит. Иди в самом центре группы, Джон. Не давай этому свету погаснуть, чего бы тебе это ни стоило. Мы двинулись дальше в белизну, и туман послушно, почтительно расступался перед моим слабым лазурным мерцанием, словно признавая законное право нового, пугающего хозяина на эту мертвую, забытую Богом дорогу.

— Бегом! Не останавливаться! Колени выше, мать вашу! — Буров почти сорвал голос до хрипа, подгоняя нас сквозь вязкую, черную жижу карельских топей.

Болота хлюпали под нашими сапогами с мерзким, чавкающим звуком, пытаясь утянуть нас на дно с жадностью голод-

ного, вечно несытого зверя. Каждый шаг давался с невероятным, выматывающим трудом: ледяная, пропитанная торфом вода мгновенно преодолела все защитные слои одежды, скользя движения и методично высасывая последние остатки телесного тепла. Мы не просто шли — мы сражались с самой землей, которая превратилась в жидкий капкан.

Туман вокруг стал настолько плотным, что казался почти твердым, осязаемым — он лип к лицу холодными склизкими пальцами, забивался в легкие тяжелой сыростью и превращал мир в бесконечный серый лабиринт. Здесь не было ни сторон света, ни надежды на твердую почву под ногами. Мы превратились в тени, пытающиеся убежать от самой Смерти по колено в ледяной грязи. Я чувствовал, как мои мышцы деревенеют, а разум начинает подергиваться серым маревом усталости, но крик Бурова заставлял сердце толкать кровь дальше.

Сзади, всего в паре десятков метров, меж кривых, иссохших сосен, похожих на костлявые пальцы покойников, беззвучно скользили Призраки. Они не бежали, не тратили силы на борьбу с вязкой почвой — они летели, едва касаясь поверхности стоячей воды, бесстрастные и неумолимые, как само время.

Каждый раз, когда один из них приближался на критическое расстояние, воздух за нашими спинами мгновенно превращался в жидкий азот. Затылок обжигало невыносимым, колючим холодом, от которого темнело в глазах, а иней

мгновенно покрывал наши рюкзаки, воротники курток и даже металлические ремни винтовок. Призраки не торопились; они были идеальными хищниками энтропии. Они знали, что живая плоть рано или поздно устанет, споткнется, захлебнется, и тогда они заберут своё — наше тепло, наше движение, нашу жизнь.

— Кинг, рука! Черт тебя дери, Джон! — крикнул Сэм, задыхаясь от бега и веса мокрого снаряжения, которое теперь весило вдвое больше. — Подсвети им, пока мы не превратились в куски мороженого мяса! Они уже на пятки наступают, я чувствую их холод кожей!

Я понимал, что Сэм прав. Мои легкие горели от морозного воздуха, а сердце колотилось в ребра, как пойманная птица. Нам нужно было выиграть хотя бы минуту, чтобы не захлебнуться в этом марше через гниль и лед. Холод за спиной уже не просто пугал — он начинал замедлять ток моей крови.

Я на бегу вскинул правую руку через плечо, даже не оборачиваясь назад. Лазурный свет вспыхнул мгновенно, пульсируя рваными, болезненными вспышками в такт моему бешеному пульсу. Казалось, моё сердце теперь билось прямо в ладони, прогоняя раскаленную энергию через пальцы.

Каждый раз, когда это сияние достигало полупрозрачных фигур Призраков, их очертания начинали дрожать и рассыпаться на мелкие синие искры, как помехи на экране старого, неисправного телевизора. Они издавали болезненный,

тонкий шелест — звук рвущейся фольги — и отпрянули обратно в туман, давая нам крошечную фору в несколько драгоценных секунд, пока их структура не стабилизировалась снова.

— Там! Впереди! Вижу крыши! — Рауль, шедший впереди со своим тяжелым щитом, который теперь служил ему скорее опорой в трясине, указал в сторону небольшой возвышенности. — На холме, там строения! Бегом туда!

Это был наш последний шанс укрыться от преследования на открытом болоте. Мы рванули из последних сил, выдирая ноги из цепкой грязи, чувствуя, как холод за спиной снова нарастает с новой силой — Призраки оправились от вспышки и начали финальное сближение, сжимая кольцо.

Сквозь рваные разрывы в тумане проступили черные, покосившиеся остовы изб. Это была деревня, которой не было ни на одной современной карте — возможно, старое поселение спецпереселенцев тридцатых годов или забытый хутор староверов, покинутый людьми еще задолго до того, как Рой пришел в наш мир. Полусгнившие бревна, провалившиеся внутрь крыши и звенящая, мертвая тишина, от которой буквально чесались зубы под деснами. Здесь даже Завеса казалась неподвижной, застывшей в вечном ожидании новых жертв.

Мы влетели в самую крепкую на вид избушку, чьи стены из толстого северного леса еще сохранили остатки былой мощи. Буров с грохотом захлопнул тяжелую дубовую дверь и

задвинул её массивным кованым засовом, который чудом не рассыпался от многолетней ржавчины.

Мы были внутри, но чувство безопасности было иллюзорным — эти стены могли защитить от ветра, но не от того холода, что ждал нас в тумане. Мы забились в углы, пытаясь согреться собственным дыханием в этом деревянном склепе. Темнота внутри пахла пылью и забвением, но она была сухой — и это казалось высшим благом.

Мы рухнули на пыльный, усыпанный сухой хвоей пол, жадно глотая воздух, который казался сладким после болотных испарений. Внутри избы пахло сухими лекарственными травами, старой кожей и чем-то очень древним, почти первобытным. Снаружи воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Призраки не пытались выломать дверь или разбить окна — они просто окружили дом плотным кольцом, выжидая.

Мы видели сквозь узкие щели в заколоченных ставнях, как их тусклое, сизое свечение медленно дрейфует за окнами. По бревнам стен поползли белые узоры инея, дерево начало жалобно трещать, теряя тепло. — Мы заперты, как крысы в банке, — прошептал Рауль, дрожащими пальцами проверяя магазин своего пистолета. — Они просто выморозят нас здесь.

— Нет, — Буров зажег крошечный огарок свечи, найденный на полке. Его лицо в неверном, прыгающем свете казалось маской, сошедшей со страниц секретного архива. — Мы получили передышку, чтобы подготовиться к последне-

му рывку. Кинг, посмотри на свои руки. Они всё еще светятся, даже когда ты спокоен. Ты — наш костер, Джон. Пока ты горишь внутри, они не рискнут войти. Твой свет для них — яд.

Я посмотрел на свои ладони. Лазурный свет медленно и плавно перетекал под кожей, как жидкий неон. В этот момент я действительно почувствовал, как где-то далеко на Севере, под многокилометровой толщей мурманских скал, что-то огромное, древнее и родственное откликнулось на мой беззвучный зов. Мы были в ловушке, но я впервые почувствовал, что я — не просто добыча. Я был частью этой силы.

Мы буквально рухнули на пыльный, усыпанный сухой хвоей пол, и Буров с нечеловеческим, животным усилием задвинул массивный железный засов. Тяжелый лязг металла отсек наш отряд от ледяного, высасывающего душу дыхания Призраков. Внутри избы воцарился вязкий полумрак, пропитанный запахами старой хвои, плесени и чем-то еще... чем-то сухим и невыносимо древним, как бинты забытой мумии, пролежавшей в песках тысячи лет.

Сэм тяжело привалился к бревенчатой стене, судорожно хватая ртом воздух, который казался слишком плотным и пыльным для легких. Его лицо в тусклых, мечущихся сполохах наших фонарей выглядело неподвижной восковой маской. Мы всё еще физически слышали, как снаружи, за тонкими и ненадежными бревнами стен, вибрирует сама реальность, расслаиваясь под напором Роя.

— Мы... мы оторвались? — Рауль сжимал свой «Витязь» так сильно, что его костяшки пальцев побелели и стали похожи на обточенную, лишенную плоти кость. Его глаза, полные лихорадочного, безумного блеска, метались по темным углам избы, выискивая угрозу там, где пока была лишь пустота. Буров осторожно, едва дыша, выглянул в узкое, затянутое мутной пленкой окно, которое напоминало бельмо на глазу покойника. — They are outside. Standing at the fence like statues, — он обернулся ко мне, прищулив холодные, как свинец, глаза. — Твой свет обжег их, Кинг. Но не расслабляйся. Они не ушли. Они просто сели в засаду и ждут, когда твое внутреннее сияние окончательно погаснет, оставив нас беззащитными в этой тьме. А оно гаснет, Джон. Я вижу это по твоим глазам.

Я сел на скрипнувшую под моим весом лавку, тупо и отрезанно глядя на свои ладони. Лазурный свет под кожей почти затух, превратившись в едва заметные синие прожилки. Они медленно пульсировали в такт моему бешеному пульсу, напоминая светящиеся татуировки какого-то безумного художника-сюрреалиста. В углу избы мой фонарик выхватил старую печь, облицованную треснувшими, почерневшими изразцами, и потемневшую икону в «красном углу».

Лики на иконе были стерты до самого дерева — не от времени и не от влаги. Было видно, что кто-то специально, с пугающим, маниакальным упорством долго соскребал краску острым ножом, лишая святых их лиц, превращая их в ано-

нимные деревянные доски. Это было похоже на акт отчаяния или окончательного отречения.

— This village... it's been empty for fifty years, — прошептал я, проводя рукой по столу. Пыль под моими пальцами ощущалась как серый, безжизненный пепел, оставшийся от сгоревшей заживо цивилизации. — Но посмотрите на пол, Буров. Мой луч света выхватил из темноты дорожку следов, прорезавших толстый слой многолетней пыли. Это не были отпечатки тяжелых армейских сапог или босых человеческих ног. Это были тонкие, пугающе длинные следы, будто кто-то неестественно высокий и легкий ходил здесь на самых цыпочках, едва касаясь досок пола. И эти следы, петляя между старой мебелью, вели прямо к приоткрытой, дышащей холодом крышке люка, ведущего в глубокий подпол. Кто-то ждал нас там, внизу, в самой утробе этой избы.

— Major, we are not alone here, — я медленно, стараясь не шуметь, вскинул автомат, указывая на черную, дышащую сыростью и плесенью щель подпола.

Бойцы Бурова мгновенно среагировали, взяв темный проем на мушку. В избе воцарилась такая тяжелая, вакуумная тишина, что было слышно, как в воздухе медленно оседает потревоженная нами пыль. И в этот миг из темноты под нашими ногами донесся звук. Это не было влажное, мерзкое бульканье адаптантов и не электрический, сухой шелест Призраков. Это был человеческий шепот — хриплый, надтреснутый от десятилетий молчания, перемешанный с ти-

хим, издевательским старческим смехом, от которого волосы на моем затылке встали дыбом.

— So... the Beacons have come... — раздалось из бездны под досками пола. — Совсем как в восемьдесят четвертом. Только те были в погонах и с красными звездами, а этот... этот уже наполовину «их». Светится в темноте, как гнилушка в карельском болоте.

Я вздрогнул. Человек внизу говорил на русском, но его интонация была настолько жуткой, пророческой и лишенной надежды, что мне не нужен был переводчик, чтобы почувствовать угрозу. Он знал обо мне то, что я сам еще боялся признать вслух. Он видел мой свет не как спасение, а как признак того, что я стремительно перестаю принадлежать миру людей, превращаясь в часть системы Роя.

Крышка люка со скрипом, похожим на стон умирающего, медленно откинулась до самого конца. На резкий свет наших тактических фонарей из темноты показалась голова. Это был старик, настолько иссохший и изможденный, что его желтоватая кожа обтягивала череп, как древний пергамент. Его глаза были полностью затянуты белесой катарактой, лишавшей его обычного зрения, но он смотрел точно на меня, будто его слепота позволяла видеть мой лазурный резонанс сквозь физическую оболочку тела. На его шее, на куске грязной веревки, висел странный амулет — обломок буровой коронки со скважины СГ-3, оплетенный медной проволокой.

— Who are you? — Буров шагнул вперед, сокращая дистанцию, но не опуская оружия. Ствол его автомата смотрел прямо в иссохшую грудь старика. — Я тот, кто остался сторожить дверь, которую вы, дурни, опять дергаете за ручку, — старик с неожиданной, почти насекомоподобной ловкостью выбрался на пол. Его пальцы были неестественно длинными, а ногти — острыми и загнутыми, как когти хищной птицы. — Я видел твоего отца, малый. Анатолий был умнее всех вас. Он понимал: чтобы закрыть Колодец в Ад, нужно самому стать частью этого Ада. Ты — его наследство. Его последний, самый важный эксперимент, который должен искупить грехи всей этой проклятой экспедиции. Ты не сын человека, ты — ответ на сигнал.

Старик бесстрашно, игнорируя направленные на него стволы автоматов, присел у холодной, мертвой печи. — В восемьдесят четвертом здесь горела сама земля, Кинг. Солдаты выжигали леса на десятки миль вокруг, чтобы скрыть то, что вылезло из трубы с двенадцатого километра. Твой отец оставил здесь кое-что важное. Не в Кремле, не в Мурманске, а именно здесь, в этой забытой всеми богами деревне — «нулевой точке» своего отступления.

Он указал своей костлявой, дрожащей рукой на бревенчатую стену за печью. Там, под многолетним слоем жирной копоти, начали проступать странные расчеты, диаграммы и формулы, нацарапанные чем-то очень острым прямо по дереву. — Он знал, что однажды вернется. Или что придет его

кровь, носитель его генетического кода. Слушай внимательно, маяк... Скважина — это не просто дыра в граните. Это рот. Это точка входа. И если ты не дашь ей то, что она просит, она не просто сожрет тебя — она съест этот мир целиком, превратив его в серую, безжизненную пыль.

Снаружи Призраки начали с новой силой биться в стены избы, и я почувствовал, как резонанс внутри моих собственных костей ответил им мощным, болезненным толчком. Укрытие перестало быть безопасным. Оно стало местом инициации. Начиналось время правды, за которую мне придется платить собственной кровью. Старик смотрел на меня, и в его белесых глазах я видел отражение своего собственного конца.

Крышка люка в полу скрипнула с надрывным, почти человеческим стоном, и из вязкой, пахнущей сырым черноземом темноты показалось иссохшее лицо. В резком свете наших тактических фонарей старик мучительно зажмурился, прикрывая глаза ладонью с неестественно длинными пальцами, но уже через секунду его белесые, затянутые катарактой глаза безошибочно остановились на моей ладони. Он не вскрикнул от испуга, не попытался спрятаться обратно в свою нору. Напротив, на его тонких, как пергамент, губах заиграла пугающая, понимающая улыбка — так радуются встрече с тем, кого ждали слишком долго.

— I waited for someone to "light up" again... — прохрипел он на ломаном, скрипучем английском, словно его голосо-

вые связки были покрыты слоем ржавчины. — Я ждал, когда здесь снова станет светло не от огня, а от крови.

Я опустил ствол автомата, завороченно глядя на его истлевший, местами прожженный ватник. Там, под слоем пятидесятилетней пыли, всё еще можно было разобрать выцветшую нашивку: «Мингео СССР. СГ-3». Этот человек не просто жил здесь — он был там. Он был частью того самого кошмара, который мой отец — Анатолий Кингисепп — пытался утопить в бутылках дешевого виски и забыть в пригородах Нью-Джерси. Старик был живым, дышащим свидетелем того момента, когда стальной бур впервые прокусил оболочку реальности и открыл врата, которые нельзя было закрывать простым бетоном. Он смотрел на меня, и в его слепых глазах отражалась вся тяжесть моего наследства.

— В восемьдесят четвертом мы были самонадеянными дураками, — старик с трудом выбрался из люка и присел у холодной печи, поджав ноги, как старая птица. — Мы думали, что Земля — это просто камень, а мы — её хозяйева. Думали, что запечатали прорыв пятиметровым слоем спецбетона и забыли. Но на двенадцатом километре была не просто скважина, Кинг. Там была лаборатория прямо в забое, на глубине, где плавится сталь и кричит само время. Мы изучали «Эфирный шум» — тот самый голос из-под коры, который сводил с ума операторов.

Он обвел костлявой рукой стены избы, по которым уже начали ползти змеи инея от присутствия существ снаружи. —

Те существа в тумане, которых вы так боитесь... это не призраки в вашем понимании. Это энергетические отголоски, «слепки» тех, кого Источник поглотил и вывернул наизнанку сорок лет назад. Они застряли между мирами, расщепленные частотой скважины, как помехи на испорченной ленте. Они — это то, что ждет всех нас, Кинг. Если «Печать» не будет восстановлена, если этот шум не будет заглушен оригинальным сигналом, планета превратится в один сплошной эфирный шквал, где живая плоть станет просто топливом для вечного стона бездны.

Старик внезапно, с пугающей быстротой, подался вперед и схватил меня за светящуюся руку. Сэм и Рауль одновременно вскинули оружие, пальцы легли на спусковые крючки, но я коротким жестом остановил их. Его пальцы были ледяными, как арктический лед, но в ту секунду, когда они коснулись моей кожи, я почувствовал странный, покалывающий резонанс. Было такое ощущение, что он впитывает мой лазурный свет, используя его как топливо для своего угасающего сознания.

— Listen, soldier! Time is running out, — его голос внезапно стал тверже, в нем зазвучала сталь советского инженера. — Ключи к частотам, которые могут закрыть эту рану, находятся не на самой станции в Заполярном. Станция — это только рубильник, огромный исполнительный механизм, груда железа. Чтобы она сработала как нужно, а не просто взорвала кору планеты, вам нужен первичный сигнал. Чи-

стая волна, записанная в момент первого контакта.

Я чувствовал, как лазурные нити под моей кожей пульсируют в такт его словам. Он говорил о физике, которую не преподают в университетах, о физике, которую мой отец принес в нашу кровь. — Без этой «золотой записи» вы просто слепые щенки, тыкающие палками в спящего бога. Вам нужна гармония, которая уравновесит хаос Роя. И эта гармония была спрятана там, где её никто не стал бы искать.

Старик приблизил свое иссохшее лицо к моему так близко, что я почувствовал запах пыли и древних лекарств. Его слепые глаза, отражая моё лазурное сияние, казались двумя бездонными озерами. — Был секретный архив в Лоухи. В здании ГРЭ-1, в сейфе глубокого подвала, до сих пор лежат магнитные кассеты в свинцовой упаковке. На них — запись «нулевого кода». Оригинал. Чистая волна без искажений, снятая прямо с буровой коронки в восемьдесят четвертом.

Буров, стоявший в тени, нахмурился, лихорадочно сверяясь со своей помятой картой, подсвечивая её фонариком. — Louhi... Это поселок на нашем пути на Север, — глухо произнес майор. — Прямо на трассе. Это всего в паре сотен миль отсюда. — Именно, — кивнул старик, и его амулет из обломка бура качнулся на груди. — Только этот код, эта частота сможет заглушить стрекот Роя и заставить Источник захлопнуться. Без него в Мурманске вы — просто куски мяса. Вы даже не подойдете к устью скважины, Завеса разда-

вит ваши мозги прежде, чем вы увидите вышку. Идите в Лоухи. Найдите ГРЭ-1. Это ваш единственный шанс пережить встречу с «отцом» всех этих тварей.

Снаружи раздался мощный, сокрушительный удар в стену избы — Призраки окончательно теряли терпение, их голод пересиливал страх перед моим светом. Бревна жалобно задребезжали, с потолка посыпалась сухая труха. Стены задрожали, словно здание попало в эпицентр землетрясения. Старик медленно отпустил мою руку, и я почувствовал, как сияние под моей кожей стало тусклым, словно он забрал часть моей силы.

Он указал своей костлявой рукой на заднюю дверь избы, ведущую к лесу. — Уходите через задний двор к гати. Там туман не такой плотный, успеете проскочить до рассвета. И помни, Кинг... — он посмотрел на меня в последний раз, и в его взгляде промелькнула почти отеческая жалость. — «Нулевой код» — это не просто спасение. Это приговор. Твой отец, Анатолий, понял это слишком поздно. Он не решился его использовать, потому что знал цену, и бежал через океан, надеясь, что его не найдут. А тебе бежать некуда. Мир теперь — одна большая скважина, и ты — её последний засов.

Мы рванули к выходу, подхватывая рюкзаки. Хранитель остался сидеть у холодной печи, погружаясь обратно в свою вековую тишину. А наш путь теперь лежал в Лоухи — за ключом к уничтожению или спасению мира, ценой которого могла стать моя собственная жизнь.

Стены старой избы задрожали не от ветра, а так, словно все здание разом сжал невидимый, колоссальный кулак. Снаружи раздался вой Призраков — этот звук не был похож на крик живого существа; это был резонанс самой пустоты, от которого со стропил посыпалась вековая сухая труха, забивая нам глаза и легкие. Сквозь мельчайшие щели в рассохшихся бревнах в комнату начал просачиваться холод. Но это не был привычный карельский мороз, от которого можно спастись костром. Это было отсутствие самой жизни, температурный провал, засасывающий в себя любую энергию.

Воздух в комнате за считанные секунды превратился в колючий, серый туман. Наши выдохи больше не таяли — они мгновенно застывали в воздухе острыми кристаллами льда, которые со звоном осыпались на пол. Мы физически чувствовали, как сама реальность внутри этого маленького дома истончается, становясь прозрачной и хрупкой, уступая место ледяной энтропии. Она пришла за нами из тумана, и никакие стены не могли стать для неё преградой. Стены покрывались инеем изнутри, и этот иней рос на глазах, вырисовывая на бревнах узоры, похожие на тянущиеся к нам костлявые руки.

— They are here! Они уже внутри! — закричал Рауль, и в его голосе я услышал то, что пугало больше самих призраков — чистое, незамутненное безумие.

Его глаза расширились так, что стали видны лопнувшие капилляры, а зрачки сузились в точки. В панике, потеряв всякую связь с реальностью солдата, он схватил со стола ста-

рую солонку и начал лихорадочно, дрожащими руками сыпать соль на подоконники и порог, выкрикивая обрывки молитв на испанском и латыни. Сэм и выжившие бойцы Бурова, заразившись этим первобытным, инфекционным страхом, начали лихорадочно шарить по углам избы. Они хватали всё, что оставил старик-хранитель: пучки сушеных трав, старые обереги из костей, какие-то медные пластины — всё, что давало хотя бы призрачную иллюзию защиты от того, что нельзя убить пулей.

В лазурном свете моих вен их лица казались гротескными масками безумия. Рациональный, технологичный мир XX века рухнул здесь, в карельской глуши, оставив на своем месте только древний, подкорковый страх человека перед тьмой. Они больше не доверяли стали своих автоматов; они вернулись в каменный век, пытаясь откупиться от бездны солью и травой. И этот вид сломленных воинов давил на меня сильнее, чем наступающий снаружи холод.

Патронов у нас почти не осталось, но это уже не имело значения. Тяжелое железо в руках — наши «Витязи» и АК — теперь казалось бесполезным, смехотворным мусором против теней, которые начали медленно просачиваться сквозь дверные щели в виде прядей сизого дыма. Я видел, как один из лучших бойцов Бурова, человек, который не моргнув глазом прошел через Бойню в Кремле, теперь сидит на полу, прижимая к груди пучок сухой полыни вместо автомата.

— Stop it! Salt won't help! Прекратите это безумие! — гаркнул Буров, пытаясь перекрычать нарастающий гул в ушах. Его собственные пальцы на спусковом крючке дрожали, и он ненавидел себя за это. Он понимал, что дисциплина рассыпается в прах, и через минуту мы превратимся в стадо, забитое в угол. — King, to the door! Живо к двери! Ты единственный, кто может их задержать! Делай что угодно, Джон!

Я был их последней надеждой, их живым талисманом, и это осознание жгло меня изнутри сильнее, чем лазурный огонь в жилах. Я был мостом между их миром и тем кошмаром, что ломился внутрь, и на этом мосту не было места для двоих. Я чувствовал, как холод Призраков начинает высасывать тепло из моего сердца, и единственный способ согреться — это выплеснуть всё, что осталось в моих венах, наружу.

Я рванулся к массивной дубовой двери, едва не сбив с ног Рауля. Лазурный свет в моих венах вспыхнул от резкой, ослепляющей боли. Я прижал обе ладони к ледяному, почерневшему дереву, чувствуя, как с той стороны в дверь бьются волны чистой энтропии. Дверь мгновенно покрылась толстым слоем инея прямо под моими руками, но я не отпускал.

— Get back! Назад к люку! — закричал я, чувствуя, как энергия из моего тела начинает перетекать в древесину, превращая старую дверь в сияющий лазурный щит. Я слышал за дверью скрежет — Призраки буквально обжигались о мой свет, их нематериальная плоть шипела и распадалась от контакта с этой частотой. В этот момент я не был человеком.

Я был живым засовом, единственной преградой между моей группой и полным обнулением. Моё зрение стало ярко-синим, я видел структуру дерева, видел пустоту за ним, и я заполнял эту пустоту собой, выжигая остатки своей человеческой энергии, чтобы дать им еще несколько секунд.

— Into the hole! Прыгайте в подпол, живо! — Буров, единственный, кто сохранил остатки самообладания, буквально заталкивал Рауля и Сэма в зияющий зев люка. — Пять секунд, Кинг! Держи еще пять секунд!

Я чувствовал, как свет буквально вымывает из меня жизнь и тепло. Мои ноги стали ватными, а перед глазами поплыли черные пятна. Призраки снаружи взвыли в унисон, и одна дымчатая, полупрозрачная рука всё-таки просунулась сквозь замочную скважину, пытаясь дотянуться до моего лица. Я в последний раз ударил всей мощью лазурного резонанса, буквально выжигая пространство перед собой.

— Jump! — крикнул Буров, хватая меня за воротник куртки. Я нырнул в спасительную темноту подпола в тот самый миг, когда тяжелая дубовая дверь, не выдержав температурного шока, с хрустом рассыпалась в мелкую ледяную крошку. Мы оказались в узком, сыром туннеле, ведущем прочь от деревни, а наверху, в пустой избе, остались лишь те, кто вечно ходит в тумане, кружа над рассыпанной солью и бесполезными пучками сухих трав. Мы ушли под землю, к корням этого кошмара.

Старый УАЗ-469, который мы ласково называли «козли-

ком», ревел на низких оборотах, с трудом пробиваясь сквозь жирный, почти осязаемый карельский туман. Старик-хранитель не соврал: машина, спрятанная в глубоком капонире под маскировочными сетями, оказалась невероятно живучей. Ее мотор чихал, плевался сизым дымом и вибрировал так, что челюсти сводило, но стальное советское сердце упрямо толкало нас вперед по разбитому, раскисшему грейдеру.

Первые двадцать километров мы проехали в абсолютной, противоестественной тишине. Это не было то благословенное спокойствие, которого ищешь после боя. Это была пустота. Ни привычного уже стрекота Роя, ни электрического шелеста Призраков, ни крика случайной птицы. Только мерный, механический стук поршней и наше тяжелое, прерывистое дыхание в тесном, пахнущем бензином и старой кожей салоне. Казалось, мы пересекли невидимую границу, за которой звуки просто перестали существовать, поглощенные серой ватой тумана.

— Why so quiet?! Почему так тихо, черт возьми?! — Рауль сорвался первым. Он нервно крутил в руках пустой магазин от своего пистолета-пулемета, и этот сухой звук казался оглушительным. — Здесь есть хоть что-то живое? Хоть одна гребаная муха?

— Hardly. Вряд ли, — ответил Буров, не отрывая взгляда от дороги. Он сидел на пассажирском сиденье, напряженный как взведенная пружина, сжимая в руках свой автомат.

— Мы въехали в «мертвую зону», Рауль. Рой выел здесь всё подчистую: от полевых мышей до медведей в берлогах. Завеса не просто убивает, она высасывает остатки тепла и энергии из самой земли, оставляя за собой стерильную пустыню.

Майор обернулся к парням на заднем сиденье, и его глаза в тусклом свете приборной панели казались черными дырами. — Тишина — это их способ охоты. Они больше не смотрят — здесь не на что смотреть. Они слушают. Каждый наш выдох, каждый скрип рессоры — это сигнал к обеду. Мы едем по гигантскому кладбищу, где даже тени боятся шевельнуться, чтобы не привлечь внимание того, что спит в тумане.

Я до боли сжимал руль, стараясь максимально аккуратно обходить глубокие выбоины, заполненные черной водой. Мои руки больше не горели открытым пламенем, лазурный свет ушел вглубь, но под кожей ощущался непрерывный, покалывающий зуд, словно по венам бежал слабый ток. Я начал чувствовать дорогу какими-то новыми, доселе неизвестными рецепторами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.